

Владислав Данишевский

Не будите медведя

Цикл: Инженер и его инопланетные игрушки. Книга 1 том 2

18+

Владислав Данишевский

Не будите медведя. Том 2

<https://litres.ru/74466327>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вот так живёшь-живёшь большую часть жизни, дом - полная чаша, с женой - мир и согласие, дети, скоро внуки пойдут, пора о пенсии задумываться, как вдруг...

Что может сделать простой обыватель в абсолютно новом для себя мире,

если он не великий воин или гениальный учёный, но обладает острым умом,

способностью заводить друзей и невероятной удачей?

Или это не удача?

Как сложилась бы жизнь множества людей, если бы не один земной инженер, ни дня не работавший по специальности?

Жизнь на грани реальности и научной фантастики не любит давать простых ответов - это задача только для человеческого разума.

Продолжение истории про земного инженера в космосе.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Владислав Данишевский

Не будите медведя. Том 2

Глава

Глава 1. Быстрее, выше, сильнее.

Очередное пробуждение в медкапсуле вопреки ожиданиям не принесло никаких новых ощущений. Аллочка буднично сообщила, что новая нейросеть установлена штатно и тактично отвернулась, позволив без пригляда натянуть комбез.

Дождаться многообещающего симбионта пришлось вдвое больше, но не производство было тому виной, а лавина хлопот и забот, насыпавшаяся, как снег за шиворот, когда наш дружный коллектив разом пополнился на тридцать с гаком человек.

Так как с медицинским оборудованием древних сполотов обращаться ещё никто не умел, пришлось спешно устанавливать нераспроданные как раз для этого случая трофейные медкапсулы. Наши доктора как на конвейере воскрешали из криогенного сна проспавших не один месяц соотечественников, без подробных объяснений сгоняя их, обалдевших и растерянных, в кают-компанию, где по совету многомудрого Токмашева раз за разом на головизоре прогоняли запись ме-

ня, в общих чертах излагающего нашу общую бытность на данный момент.

О размещении пополнения мы, конечно, позаботились заранее, выбрав палубу с несколькими рядами кают примерно посередине между рубкой, куполом и биолобораторией. Расконсервировали столовую, благо, для эксплуатации местного пищевого синтезатора особых знаний не требовалось, а Саня Серый со своей хитрой электронной прибудой перепрошил его буквально за минуту.

В общем, разбудили, подлечили, одели, накормили, жильё распределили и даже в местные реалии немного посвятили, но за всеми этими хлопотами забыли одно мудрое армейское правило: чем бы солдат ни занимался – лишь бы заколебался. А вот как раз занятия мы этой толпе и не придумали.

Да, коллектив, да, в некоторой степени демократия, почти коммунизм и даже немножко либерализм, но в конечном итоге всё равно мой личный недочёт. Ну не привык я ещё таким количеством народа командовать, везде сам лезу, за всё хватаюсь, а надо бы уже начинать делегировать и мыслить масштабнее.

В общем, вследствие временного оставления дезориентированных людей наедине со своими переживаниями, предположениями и страхами, случилось несколько конфликтов. Пара женщин и один не очень мужественный мужичок сорвались в истерику с требованиями немедленно вернуть их домой. Многие наотрез отказались поверить в реальность

происходящего, но реагировали по-разному: кто-то грозил карами судебными, кто-то связями в органах и криминальных структурах, а кто-то с интересом ожидал развития событий в «реалити-шоу», в которое они, по их мнению, попали.

Зашедший проинструктировать новичков о пользовании жральным аппаратом Серж едва не оказался побит двумя не в меру ретивыми парнями, требовавшими немедленно рассказать, отпустить, показать и предоставить всё и сразу. Однако Канюк с Александром Вторым, не успевшие получить дополнительных гражданских баз знаний, и поэтому вынужденные торчать в рубке нашего корвета с внеплановым тестированием и инвентаризацией, мгновенно прискакали на подмогу и даже раздали пару зуботычин.

На барже случилась заминка, когда чрезмерно шустрый парень, не успев вылезти из капсулы, соблазнился изрядно рельефным катиным бюстом, к тому же подчёркнутым облегающей фактурой комбинезона, и незамедлительно воплотил низменное желание в жизнь, протянув жаждущие нежного руки. Отчего едва не протянул ноги, незамедлительно получив короткий удар прямо в кусало. Но даже веер окровавленных зубов на полу не сбил его с игривого настроения. Отчаянно шепелявя и пуская кровавые пузыри, он пытался отвешивать Кате неуклюжие комплименты, чем заслужил снисхождение и новые зубы, заняв медкапсулу ещё на несколько часов.

Народные волнения понемногу нарастали по мере прибы-

тия свежих сил. Кто-то уже агитировал поломать мебель и с этим импровизированным оружием пролетариата идти требовать правды, хлеба, зрелищ, денег и вроде даже возвращения Аляски. К счастью, доктора со вздохом облегчения вывели последних спящих красавцев в общую кучу, так что пришло время проводить общее собрание и прописывать каждого из новеньких по каютам и рабочим местам.

Если внутри наших относительно мелких кораблей всё выглядело непривычно, но ещё можно было принять за декорации к фантастическому фильму, то когда два гурта озирающихся новобранцев вывалили в трюм Титана, скептиков убавилось в разы.

Слишком чужеродно. Слишком технологично. Слишком масштабно. Всё – слишком.

Ребята специально прогнали толпу пешком все километры до выбранной для компактного проживания палубы, чтобы выгнать из мозгов остатки сомнений и прочие глупости. Напоследок, когда пополнение уже подходило к выбранному для собрания залу, с противоположной стороны коридора на гравиплатформе вырулил я со сполотом в качестве пассажира, а с тыла их догнал Миша со своими боевиками.

В наш век вала спецэффектов и грима в кино, серой кожей и острыми ушами удивить кого-то было трудно, хотя и Лаонвэйха внимания досталось немало. Но вот многие мужики живо заинтересовались тележкой без колёс, очевидно висящей в воздухе. Вредный млеур при этом проскользнул

в зал почти незамеченным, за исключением одинокого приглушённого возгласа: «это что у него, хвост?»»

Пока все рассаживались, я вышел на полукруглое подобие сцены и приготовился говорить заранее придуманные слова. И неожиданно почувствовал, что мандражирую. Последний раз перед аудиторией приходилось выступать ещё в институте, перед собственной группой, так что и волнения толком не было, а тут...

«Антон Семёныч, ты как-то можешь повлиять?»»

«На что?»»

«Не знаю, на гормоны, наверное – мандраж снять»»

«Отмечаю повышенный уровень кортизола и адреналина. Для эффективного решения проблемы предлагаю снизить эти два нейромедиатора и добавить норадреналин, дофамин и окситоцин»»

Все уже расселись и приготовились слушать, с любопытством поглядывая на стоящего рядом Саню, который всем своим видом демонстрировал едва ли не усталость от пребывания на сценах больших и малых академических театров. И тут меня отпустило. И снова накрыло, но уже немного по-другому: я почувствовал уверенность в себе, своём деле, планах и словах, которые собирался сказать. И даже лёгкое возбуждение, какое бывает, когда вот-вот получишь необычно большой гонорар за хорошо выполненную работу.

Ай да Шпак, жму твою виртуальную руку.

- Здравствуйте. Меня зовут Глеб Егорович Неверов.

Вот это нифига себе, даже голос стал немного ниже и как-то бархатнее что ли. Это тоже гормоны или Шпак ещё чего-то там перенастроил?

- Ну прям Жеглов из «Места встречи...»! – вполголоса перебил кто-то из заднего ряда.

- Да, это любимый фильм моего отца, которого зовут, как ни удивительно – Егор, так что совпадение совсем не совпадение. Разрешите продолжать?

Перебивший сконфуженно кивнул.

- Отлично. Так вот: как и большинство присутствующих, я человек, землянин, русский, барнаулец. Попал сюда так же, как и вы – по вине неких злодеев, которых ещё предстоит найти, в криокапсуле, в виде замороженной тушки.

Пока я говорил, настроение слушателей постоянно колебалось от весёлости до возмущения, от грусти до живейшего интереса, но их восприятие всё ещё пребывало на стадии зрителя спектакля. Не прониклись, не осознали, даже если поверили. Ну, ничего, сейчас поверите.

- Сейчас мы находимся на гигантском корабле, построенном древней расой сполотов, представитель которой любезно согласился помочь нам в его освоении. Лаонвэйха ан Сан, прошу любить и жаловать!

Саня, уже успевший перенять опыт Фуркана и выучить русский, степенно поклонился, на что так же получил приглушённый возглас из зала:

- Ну прям эльф какой-то.

- Согласно вашей новейшей мифологии, - тоном умудрённого опытом преподавателя за кафедрой проникновенно заговорил Саня, - эльфам больше соответствует раса аграф: внешний вид, презрение к более молодым расам, технологическое превосходство. Мы же, кроме отдалённого внешнего сходства, под это определение не подходим.

- А по-русски чешешь, как родной, отечественный! – разговорился всё тот же комментатор, и его многие поддержали. Но вместо сполота ответил я.

- Про нейросети вы уже в курсе. Вот они как раз позволяют выучить любой язык за несколько часов, любую научную дисциплину – максимум за несколько дней. При условии, конечно, что ваш уровень интеллекта достаточно высок и установленная нейросеть достаточно мощная. Вам всем будут установлены нейросети согласно вашему индексу интеллекта и предстоящему виду деятельности.

- А если я не хочу какую-то дрянь в голову вживлять?

- Тогда нам проще тебя обратно в криокапсулу засунуть, так как без электронного помощника ты только унилингву будешь месяцами изучать. И большинство приборов и инструментов просто активировать не сможешь. Случись пробой корпуса – даже скафандр не загерметизируешь.

- Да какого, блин, корпуса? Я кроме декораций, да, масштабных, но это же чисто для кино, и одного актёра в гриме пока никаких доказательство того, что мы не на Земле, ещё не видел! – кажется, один из самых упрямых скептиков

обнаружен. Попросить что ли Мурзика ему хвост показать? Не, ну его нафиг, загрызёт ещё. Ну что ж...

- А как ты думаешь, невесомость на Земле возможна?
- Глупый вопрос. Только в этой, как её, трубе...
- Аэродинамической, - помог я ему.
- Вот именно. – с вызовом отрезал скептик.
- А как тебе тогда это? – я неторопливо поднял руку и демонстративно щёлкнул пальцами, параллельно деактивируя гравитацию в зале.

Все наши были в курсе, поэтому остались, примагниченные к полу, а возбуждённая аудитория, кто не держался за подлокотники или не просунул ноги под передние сиденья, с выпученными глазами начала приподниматься, а кое-кто даже подлетать со своих мест.

Убедившись, что безучастных не осталось, и не дожидаясь, пока кого-нибудь стошнит, начал плавно возвращать притяжение в норму. Благо, совсем уж неуклюжих не оказалось, и вся воспарившая было компания снова утвердилась на своих местах.

С этого момента проблем с недоверием уже не возникало. Убедительно посвятив коллектив в наши общие цели и задачи, а затем потратив ещё полчаса на вопросы и ответы, мы, наконец, добрались до распределения вакансий. И тут у нас нарисовался новый лидер. Явно очень ухоженная фигуристая дама лет сорока с огненно-рыжими волосами первая высказалась, что имеет огромный опыт руководства в обла-

сти учёта, логистики и прочих сопутствующих. Работала на высоких должностях в крупных организациях и даже собственным бизнесом, правда на долях. В общем, профессиональный директор, бухгалтер и завхоз.

Поименовалась дама Евгенией Марковной, за что, в сочетании с цветом волос, наш штатный зубоскал Эдик немедленно окрестил её Морковкой. Естественно, не вслух, а через нейросеть. Пообещав Морковке, то есть Евгении Марковне, что непременно найдём ей должность хотя бы примерно соответствующую её профилю, я про себя отметил, что нейросеть ей скорее всего нужно будет поставить научную, так как объём и сложность задач мы на неё взвалим намного серьёзнее того, с чем она имела дело раньше.

Следующим поднял руку весьма крепкий дед. Скорее даже не дед ещё, а пожилой дядька с рублеными чертами лица и настолько широкими ладонями, прямо как у заводчан и колхозников со старых советских плакатов. Представился он Солдатовым Олегом Григорьевичем и кратко обрисовал свой жизненный путь – отучился на тракториста, поэтому в армии, а затем в Афгане служил мазутой на БМП. Трижды терял машину в засадах, поэтому побегать и пострелять тоже довелось изрядно.

В девяностых не рулил только карьерными самосвалами, на остальном из грузового покатался почти на всём, кроме совсем уж экзотики. Времена были тяжёлые, поэтому брался буквально за любую работу. Последние лет пятнадцать зани-

мался только ремонтом всякой колёсной и гусеничной техники. В связи с чем попросил пристроить его на какую-нибудь техническую работу, связанную с железом и механикой.

Глядя на его прокуренные, изрядно битые сединой усы аля Тарас Бульба, поинтересовался, не из казаков ли он? Так и оказалось – потомственный кубанский казак. Заглянул в «личное дело» – индекса интеллекта хватает на пилотскую нейросеть Содружества, значит и тут его можно в пилоты определить.

Возраст, конечно, солидный, но дядька очень уж крепкий, подтянутый, видно, что никогда себя не запускал. Такие и в Великую Отечественную едва ли не наравне с молодыми воевали.

Мелькнула было мысль о странности: два старика среди кандидатов в рабы, и оба такие бодрые для своего возраста, жилистые, без грамма лишнего жира, и тут же сам себе ответил: а на других работоторговцы просто не позарились бы. Да и возраст солидный только для Земли, а тут вполне ещё рабочий.

Что характерно, и Солдатов, и Марковна, и Иваныч с Аллочкой, все, кто не вписывался в образ вахтовика, пришедшего на собеседование в мутную контору, попали сюда случайно, примерно по той же схеме, что и я. Кроме Токмашева, прихваченного буквально по пути, как и моя Лида.

Среди остальных редких специалистов и выдающихся личностей не нашлось, поэтому их оптом записали в рабочие

на ещё не расконсервированных линиях. Желающих вернуться в криокапсулу и спокойно полежать до благополучного возвращения домой к счастью тоже не отыскалось.

Поначалу я хотел всех наделить научными нейросетями, во-первых, чтобы общий уровень интеллектуальных возможностей поднять максимально, а во-вторых, раз могу себе позволить, то почему бы не сделать людям хорошо? Но профессор с капитаном меня убедили, что, несмотря на добровольность всего нашего колхоза, нельзя забывать про меры поощрения за заслуги, а повышение уровня нейросети – стимул не из последних, когда начинаешь вникать в местную систему ценностей.

Оставив новобранцев на группу наших техников, как-никак без пяти минут коллеги для большинства из них, отправился в свою каюту, в которой успел два раза переночевать, но ещё даже толком не исследовал.

Конечно, рядом с рубкой имеются апартаменты для командного состава, но селиться поодиночке в пяти комнатах на каждого никто желания не изъявил, поэтому всем досталось по однокомнатной каюте, правда, со всеми удобствами и метражом квадратов под двадцать, что казалось роскошью по сравнению с клетушками два с половиной на три метра на корвете.

Кажется, я всё-таки начинаю привыкать к дополнительному устройству в мозгу, ибо когда дело касается комфорта, наш ленивый организм схватывает прямо на лету. Очень

удобно, когда дверь открывается перед тобой сама, стоит только подать мысленный сигнал, что чуть сложнее, чем просто захотеть.

Здесь всё очень плавно, обтекаемо, каждая переборка, помещение и предмет создают ощущение гибкости и лёгкости. Найти прямой угол без опытной собаки вряд ли возможно, что дополняется мягкими пастельными цветами покрытий. И только вездесущие шестигранники придают некоторой строгости формам.

Жильё моё. Стоя посреди каюты и сравнивая видимое с картой корабля, прихожу к выводу, что помещения по форме напоминают пузырьки в пене: есть плоскости на полу, потолке и некоторых стенах, а все углы закруглены. Интересно, это только дизайн, или всё-таки практическое решение?

Одна из стен, полностью покрытая продолговатыми выпуклыми шестиугольниками, обозначена как хранилище личных вещей. По-нашему, я так понимаю, это шкаф. И как оно открывается?

На мысленные команды шкаф не отреагировал, зато от первого же лёгкого нажатия дверка открылась влево как обычная земная мебель. Большинство отделений шкафа ничем не порадовало. В четырёх нашлась одежда, однотипная, разных фасонов комбинезоны и что-то вроде купального или тренировочного костюма – сплошной унисекс.

В одном отделении обнаружилось три стоящих стопкой белых контейнера, наполненных предметами, над которыми

я ломал голову битый час, но не смог определить не то что их назначение, но даже материал.

Например, нечто, похожее на вытянутую ягодку ирги, но размером с лимон, будто вырезанную из чёрного дерева или эбонита и весом, как свинцовая чушка. Или этакая личинка майского жука длиной в ладонь, с лапками, но без головы, цвета «синий металлик» и с чем-то перекатывающимся внутри. Россыпь не то бусин, не то стреляных пистолетных гильз цветом и материалом напоминающих слоновую кость.

Сделав зарубку на память – показать всё это Сане Серому, открыл следующую дверку. Там стояло, вернее, с трудом помещалось, явно впихнутое немалыми усилиями, яйцеобразное нечто, разрисованное мультяшными осьминожками, ещё какими-то моллюсками, ракообразными и другими морскими гадами. Всё это сильно отличалось от земного, но при этом легко угадывалось сходство большинства существ с нашими.

И вот глядя на всю эту красоту, я мысленно поставил наш корвет против старого жигуля, что эта штука явно сделана для детей. А тяжеленная-то какая! Килограммов тридцать, если не больше. Думал, шкаф сломаю, пока вытаскивал. Но нет, даже не поцарапал, ни шкаф, ни «яйцо». Так, это тоже к Сане.

Последнее отделение оказалось наполовину заполнено одноразовой посудой с давно окаменевшими остатками еды. Сдаётся мне, мужик тут жил, может ленивый, а может силь-

но занятой, что ел «на дому», но всё-таки не свинячил, в шкафчик прибирал.

В ящиках стола нашлось несколько разнокалиберных планшетов, ещё какая-то электронная мелочь, россыпь перчаток, от тоненьких до толстенных, как у скафандра. И в самом нижнем ярусе попалась небольшая коробочка с ювелирной. Да, необычной, из ярко-жёлтого и розового металла, но точно ювелирной, с разноцветными камнями, и там же - кулёк с горстью необработанных прозрачных кристаллов всех цветов радуги.

Либо тут всё же жила женщина, либо предметы в шкафу предназначались в подарок детям, а эта коробочка – женщины обитателя каюты. Если это так, то жаль, что подарки не дошли до адресатов.

Ну да ладно, это было не одну тысячу лет назад, им всем уже давно всё это не важно. В отличие от меня. Пускай не нашлось ничего полезного для меня и нашего дела, но хоть инопланетные игрушки младшим детям смогу привезти.

Пока грузил на подъехавшую платформу «яйцо» и контейнеры, пришло сообщение от Иваныча о готовности наших симбионтов. Ан Сан, конечно же, прибежал раньше меня. Он-то лучше всех здесь понимает ценность такого импланта, оттого и нетерпение показывает, какое ему обычно не свойственно.

- А я говорю, нет. Во-первых, я здесь ответственный за науку и медицину и экспериментировать позволю только на са-

мом себе. – Токмашев строго и авторитетно доказывал внезапно разбушевавшейся Аллочке, что первым в медкапсулу должен лечь именно он, – Во-вторых, я здесь самый старый и гробить молодых просто не имею морального права, тем более, что именно мне положено контролировать все последующие имплантации. А как я это сделаю без актуальной нейросети и баз знаний? Вот то-то же! И в-третьих, наш серокожий друг уже перенастроил несколько приборов, включая систему жизнеобеспечения, которые работают без нареканий который день. Не думаю, что эта капсула будет исключением.

Кажется, перепугавшаяся дама сердца успела его изрядно разозлить своей излишней опекой, может даже сказала чего лишнего, в общем, профессор закончил речь резковато.

- Всё, вопрос закрыт. Я ложусь в капсулу, а вы с Катюшей делаете всё точно по списку. В случае нештатной ситуации ориентируетесь по обстановке. Саша с его прибором вам поможет в части программного обеспечения, а Глеб – технического.

- Вот сейчас непонятно было, Иван Иванович. – от такого внезапного поворота я едва не проворонил, что речь про меня, – Чем я-то тут смогу помочь? У меня базы только по железу Содружества.

- А кто у нас инженер? Разберёшься. – отрезал наш испытуемый и никого не стесняясь полез в капсулу, предварительно стянув с себя комбез.

«Мне бы вашу уверенность» - подумал я, разглядывая стягивающуюся в купол прозрачную плёнку, служившую, видимо, крышкой медкапсулы, последний раз работавшей тысячу, если не десятки тысяч лет назад. Причём электроники тут дай ёжики половина, если не меньше, остальное – органика, а единственный в команде биолог, вон, окуклился.

- Так, Сань, пока наш аксакал преисполняется сплотской мудрости, у меня есть для тебя интересное. Глянь-ка сюда.

Лаонвэйха как обычно не подал виду – всё ли он понял из услышанных идиом, и заинтересованно стал вертеть в руках предметы из контейнеров. Затем достал свой уже примелькавшийся приборчик, судя по всему – дико универсальный, навёл его на контейнер, ну прямо как смартфон с камерой наперевес, и через минуту уже широко улыбался.

- Глеб, это игрушки. Синяя личинка – это биолюминесцентный фонарик, правда, давно ссохшийся. Напёрстки – они и есть напёрстки, стук копыт изображать или попадания из игольника. Вот это – голопроектор для мультиков, там погремушки для малышей. Дальше рассказывать?

- То, что это игрушки, я уже и сам догадался, но надо было убедиться. Ты мне главное вот про эту тяжесть яйцеобразную расскажи.

- А это уже для детей постарше. – Саня, не выпуская из руки своего «смартфона», протянул другую к верхушке яйца и что-то нажал. После минуты ожидания ничего не произошло. – Ах, да, тут же элементы питания давно в негодность

пришли. Подожди-ка.

Подойдя к стене с такими же шестиугольными дверками, он поочерёдно открыл несколько нижних и достал из-за одной из них небольшой цилиндрик. Ну прям батарейка, как она есть! Затем попросил наклонить игрушку набок, поковырся в плоском днище и скомандовал ставить обратно.

Теперь его нажатие породило целую какофонию тихих звуков внутри предмета. Интересно, это сплотская музыка такая или там просто всё заржавело и пересохло? В процессе жужжания, постукиваний, щелчков и гудения конструкция начала разъезжаться в стороны как натуральный трансформер, превращаясь в нечто наподобие женского косметического столика с множеством полочек, ящичков и коробочек, только вместо зеркала в центре оказалась каплевидная стеклянная колба.

- И что сие означает? Как во всё это играть?

- Не думаю, что в это получится поиграть, - разочарованно выдохнул Саня, видимо, сам был не прочь вспомнить детство, - самый главный ингредиент вряд ли сохранился.

- Так что это вообще такое?

- Ну, насколько я понимаю, это генетическая лаборатория.

- Вот ни хрена ж себе, игрушки были у твоих предков! – меня настолько впечатлила сама идея игрушечной генетики, что мысли начали роиться в голове, превращаясь в снежный ком.

Понятно, что у этой цивилизации с биотехнологиями из-

начально дружба навеки, но когда дети учатся секвенировать, модифицировать или чем там ещё занимаются генетики, то у взрослых задачи ещё на несколько порядков сложнее.

Нам бы на Землю таких игрушек, да в ассортименте, глядишь, через век-другой на собственных живых кораблях бы уже космос осваивали.

- Наверное, ты решил, что тут полноценная генетика? – улыбнулся Саня, перебирая какие-то мелкие предметы на полочках, - нет, здесь всё довольно просто. В наборе есть несколько видов мелких морских животных – ракообразных, моллюсков, червей и медуз. Есть база генов этих же существ, только иных разновидностей, и некоторых других – сухопутных, летающих и прочих, но для детей они названы просто – по расцветке, по форме, наличию конечностей и некоторым функциям, например – люминесценция или мимикрия. И есть вирус – адаптер, для горизонтального переноса генов. Ребёнок выбирает клетку существа, помещает в бульон из амниотической жидкости с живущим в ней вирусом, добавляет туда мутагены с выбранными свойствами, и смотрит что из этого получится. Если гены приживаются, а это происходит чаще всего, так уж тут всё запрограммировано, то полученное существо перемещают в аквариум. После ряда экспериментов у ребёнка должна получиться целая коллекция разнообразных маленьких мутантов.

- И что, не опасно детям с таким вирусом играть? И что

будет, если этот аквариум потом в ближайший водоём выплеснуть, экологическая катастрофа не случится?

- Нет, эти животные модифицированы строго под взаимодействие с вирусом, а вирус не выживает нигде, кроме как внутри этих существ, а они вместе – кроме как в этом аквариуме. Так что всё абсолютно безопасно.

- Я рад за сполотскую детвору, что у них есть такие необычные и познавательные игрушки. Только жаль, что в своих взрослых интересах нам это не применить.

- А как бы ты применил этот вирус, будь он не ограничен игрой?

И тут я задумался: а правда, как? Ну, вот есть у меня универсальный мутаген, способный без особых проблем скрестить слона с голубем, для ковровых бомбардировок мест культурного отдыха граждан, или насыпать в чай вредному начальнику, чтобы первичные половые признаки на лбу выросли, и что? Как я в реальности стал бы его использовать?

Наплодить каких-нибудь адских чупакабр, чтобы вместо нас пиратов на бордажах штурмовали? Так тут линия по производству боевых дроидов есть. Корабли – тоже наполовину биологические. Нейросети. Да чуть ли не табуретки. Тогда что меня так зацепило в этом детском биоконструкторе?

- Не знаю, Сань, может просто фантазия разыгралась из-за необычности таких игрушек для нашей цивилизации.

Саня согласно покивал, потеряв интерес к древнему

устройству, зато подошла Катя, всё это время с интересом слушавшая в сторонке.

- А можно я попробую поиграться? Тут, в лаборатории, можно всех этих осьминожиков клонировать, наверное.

- Попробуй, почему нет. Если найдёшь пригодные для клонирования материалы, конечно.

Глаза Кати азартно блеснули взыгравшим где-то внутри детством, и я почему-то подумал, что обязательно найдёт.

За разговорами время течёт незаметно. Поговорили о насущном, потом об отвлечённом, затем о попаданстве в загребущие лапы работоторговцев, а там и до историй из жизни дошло. Аллочка рассказывала забавные случаи из своей медицинской практики о детях и их родителях, потом Катя вспоминала самые запомнившиеся вахты, ну и я припомнил пару, кхм, специфических заказов и, собственно, заказчиков, вместе с антуражем их тайных комнат. Ну а что, для необычных любовных утех бывает необходимо и необычное освещение, для создания, так сказать, атмосферы.

Токмашевская дама сердца скромно похихикала, покраснев, Катя же с неподдельным интересом выпрашивала подробности. А вот Саня старательно грел свои длинные серые уши, как подросток, впервые допущенный к взрослому застолью. Ну, или как культуролог, затесавшийся среди аборигенов на незнакомой планете.

Наконец, настал черёд сполота делиться курьёзами из своей бытности, но под напором женского любопытства тот по-

чему-то застеснялся, неожиданно приобретя нежно-сиреневый оттенок кожи, отчего барышни зело умилились, и полезли трепать двухсотлетнего юношу за щёки и всячески изучать тактильно, чем едва не довели его до обморока.

Но тут, на счастье серого, из кокона восстал профессор. Как-то особо бодро нырнув в свой комбез, он задумчиво посмотрел на меня, а потом решительно махнул рукой, дескать – «залезай».

- Иван Иванович, уверены? Базы-то, поди, не установились так быстро? – высказал я резонное сомнение в поспешности его решения.

- Всё нормально, Глеб, все базы сейчас в памяти симбионта. Во сне установятся на долговременную память, как и положено, а пока работают в режиме подсказок, в общем, пользоваться новыми знаниями я уже могу, хоть и немного замедленно. Так что полезай в капсулу. Саша, тебя это тоже касается, если не передумал. Вот в этой медкапсуле твой симбионт, готовый к установке.

Мы с Саней переглянулись и чуть не наперегонки двинули к лежбищам. Последнее, что я увидел – это два чрезмерно заинтересованных женских взгляда, но не на меня, что немного обидно, а на полностью сиреневого, как Лунтик, сполота, спешно затягивающегося плёнкой купола. И ещё – недовольный взгляд Токмашева, который всё это заметил и, надо думать, затаил хамство в душе, но против кого, я додумать не успел.

Проснулся обыденно и без спецэффектов. Аллочка бесцветным голосом сообщила, что нейросеть установлена штатно и отвернулась, вроде как тактично позволив натянуть комбез, но, кажется, ей просто не до меня. Поссорились-таки с Иванычем, к гадалке не ходи.

Выходя, мельком отметил, что соседняя капсула пуста, значит Саня апгрейвился быстрее. Интересно, это из-за того, что оборудование под их расу заточено, или сказалась нехватка четырёх пунктов интеллекта и что-то пошло не так?

Попытался написать сообщение через нейросеть, но не преуспел. Любые признаки наличия у меня таковой отсутствовали. Что за эпидерсия?

Хотя, чего это я, в прошлый раз нейронка тоже не сразу установилась, а тут ещё и супер-пупер технология, ей может неделя на всё про всё нужна? Пока там симбионт ко всем нужным синапсам подключится...

Но подробности всё равно нужны, а для этого нужен профессор. Если Аллочка в гордом одиночестве дежурит в медблоке, значит проф гарантированно торчит в лаборатории. С Катей. Хм...

- Салют труженикам пипетки и микроскопа! – бодро поприветствовал я обитателей лаборатории.

- Спасибо, что не клизмы и расширителя. – проворчал непривычно смурной Иваныч, а Катя молча помахала рукой,

не отвлекаясь от монитора. – Чего хотел? Про симбионта своего справиться?

- Про него, родимого. Только вы это, Иван, Иванович, с таким похоронным настроением дела не делаются, так скорее навредить можно, чем чего-то толкового добиться. Если хотите, я с Аллочкой побеседую, побуду у вас семейным психологом, ну или жилеткой, это уж как пойдёт.

- Спасибо, Глеб, но с делами личными я справлюсь сам. – Токмашев поиграл желваками, но затем усилием воли заставил себя расслабиться. – Да, ты прав, с таким настроением работать нельзя.

Заметно помолодевший после всех медицинских процедур, приправленных бесом в ребро, наш главврач после размовки с сердечной подругой был хмур и сосредоточен, отчего немного сдал позиции своему земному биологическому возрасту. Тяжело взгромоздившись на подъехавший высокий стул, он начал инструктаж.

- Значит так, Глеб. Биоэлектронные нейросети устанавливаются несколько отлично от электронных по ряду причин, а симбионты так и вовсе сильно по-другому. Во-первых, симбионт начинает работать сразу после приживления, но набирает мощность и задействует все свои функции только по мере обнаружения всех нужных нейронных связей и подключения к актуальным синапсам.

- Во-вторых, в отличие от остальных нейросетей, у симбионта нет ограничений по количеству имплантов, которые

возможно установить. Это ограничение есть только у мозга носителя и оно, естественно, сугубо индивидуально.

Тут я мысленно поставил себе двойку за то, что забыл изучить вопрос имплантов, которые, вроде как, тоже могут очень неслабо прибавить плюсов уму и телу. Надо будет по-подробнее расспросить Иваныча о том – какими ништяками способна одарить нас лаборатория.

- Ну, и в-третьих, оно же – в главных, симбионт назвали именно так потому, что степень его интеграции в мозг минимум на два порядка выше, чем у всего, что может предложить Содружество.

Профессор умолк, расфокусированно глядя куда-то мимо меня, нахмутив брови и жуя губу. Это он в новых знаниях копается или просто в размышления погрузился?

- И в чём заключается эта высокая степень интеграции? – вернул я к реальности задумавшегося собеседника.

- Да вот я и соображаю – как это поточнее объяснить. Вот, например, твоя нейросеть «Техник три» давала тебе довольно обширные, но вполне конкретные знания и навыки. А симбионт задействует в том числе множество таких тонких нейронных связей, которые охватывают не только логическое мышление и моторику, но и абстрактное и ассоциативное мышление, затрагивая даже некоторые области психики, отвечающие за такие сложные явления, как мировоззрение и вдохновение.

- А такое вторжение в святая святых любой личности не

опасно? Мне что-то как-то не по себе от такого глубокого внедрения. – может для местных, по крайней мере для старших рас, подобное вполне привычно, но я успел пожалеть о том, что поторопился с имплантацией. Профессору я об этом сообщать не стал, хотя, первая рефлекторная реакция – убрать этого шпиона из моей головы.

- В том-то и дело, Глеб, что симбионт по сути становится дополнительной, чрезвычайно полезной частью мозга, а не просто встроенным компьютером с процессором, дополнительной памятью и электронным секретарём. Он даже штатными приборами Содружества не определяется, как инородное тело, которое можно удалить, как это делают пираты и торговцы.

- Вот не скажу, что совсем убедили, Иван Иванович, но да, немного отлегло. Ладно, а что там с имплантами? Чем богата наша имплантная промышленность?

- Если честно, тут особо не разбежишься. Есть шесть основных – на увеличение интеллекта, точнее – логических или вычислительных способностей, на объём памяти, физическую силу, скорость реакции, общую регенерацию и, наконец – на увеличение пси-способностей, если они есть. Ну, и несколько имплантов для отдельных видов деятельности, например пилотский – для усиления сопряжения с корабельными системами.

- Так, стоп, что ещё за «пси»? – тут я не на шутку удивился, так как о подобном здесь если и слышал, то мельком и

очень невнятно, скорее всего просто не обратив на это внимание.

- Да ты знаешь, в этом я и сам ещё толком не разобрался, - старый учёный пожевал губами, поёрзал на стуле и продолжил: - не знаю как насчёт полноценной телепатии, но вот родичи нашего друга сполота обладают врождённой эмпатией. Чувствуют они собеседника – его настроение, отношение к себе. Я вот с Сашей беседовал, так он говорит, что ему с нами очень интересно потому, что эмоции у нас особо разнообразные или что-то вроде того. Он это называет «эмпатической палитрой».

Что-то подобное я и сам подозревал, беседуя с серокожим, но списывал на особо тонкое чувствование и понимание психологии, плюс внимательность. Хотя, может это всё как раз и входит в понятие эмпатической пси-способности?

- Кстати, а ты знал, что наш вредный котофей Мурзик чуть ли не телепат? – хитро прищурился Токмашев.

- Что, прямо мысли читает? – сегодня прямо утро, или вечер, хрен бы его разобрал, удивительных историй.

- Скорее, наоборот – внушает свои мысли. Но только в бою. Скажем, внушает противнику, что сейчас шагнёт влево, а сам обходит его справа. Такая вот особенность.

- Это он сам вам рассказал? – недоверчиво хмыкнул я, памятуя о гадском характере хвостатого.

- Смеёшься? Он из своих-то за людей, в смысле, за разумных, только Мишу, да Сашу признаёт. А остальным он разве

что в тапки не гадит.

Посмеялись. Кажется, товарищ отходит от размолвки, развеселился, рассказывает увлечённо. Ну и хорошо.

- Вот Миша и поделился. Просил, правда, чтобы до Мурзика это не дошло, тот не любит, когда о нём что-то посторонним рассказывают. Так о чём мы там?

- О пси-имплантах.

- Да, верно. Так вот. Ты за собой ничего такого не замечал? Ну, там, склонности к эмпатии, или обмену мыслями?

Задумался я глубоко, пытаюсь выделить в себе что-то такое, что хотя бы за уши можно было притянуть к непонятному понятию «пси», но профессор не торопил. Эмпатия? Вот уж вряд ли, это скорее Лида эмпат. Она и у детей с младенчества их болячки и прочие страдания легко угадывала, и за моим невыразительным свиблом находила все эмоции, которые я никогда толком выражать не умел.

Что ещё? Читать или внушать мысли... да тоже не замечал за собой такого. Телекинез и пирокинез какой-нибудь? Да даже не смешно. За столько лет работы в мастерской как-нибудь, да проявилось бы. А как порой хотелось упавшую отвёртку взглядом притянуть, когда тяжёлый светильник под потолком держишь! Но, нет, не то.

Предчувствие событий? Вот чтобы прямо предчувствие, не припомню. А тот неприятный холодок, который посещал меня в лесу, когда Лида пропала, и уже здесь, перед первым столкновением с конкурентами, это да, было. Можно ли это

считать пси-способностью?

Поделился с доктором своими размышлениями, спросив заодно, а как, собственно, эти способности диагностируют?

- К сожалению, диагностировать, определять их силу, степень и глубину способны только псионы не ниже уровня «Б – 1», если не «А». А насчёт, так сказать, аппаратной диагностики, либо Содружество до этого ещё не доросло, либо я просто не в курсе. Ну не изучал я ещё эту тему настолько глубоко. Так что, думаешь, тянет твоё предчувствие опасности на «пси»?

- Так это я вас спросить хотел. Слишком это было... невнятно, эфемерно даже. Не то реальное предчувствие, не то просто фантазия разгулялась. Так что взгляд со стороны мне точно не повредит.

- Ну, смотри, как говорится, один раз – просто случай, два – совпадение, три – закономерность. На совпадение ты уже «наинтуичил», осталось дожидаться третьего. С имплантами всё равно сроки не жмут, их ещё вырастить надо, и даже симбионту ещё с неделю прорасти. Так что давай пока тебя в очередь поставим. Что думаешь себе установить?

- Давайте всех базовых по одному, кроме того, который объём памяти увеличивает. Многостаночником становиться не планирую, для нужного пока и своей хватает, а добавить, как понимаю, никогда не поздно.

- Если свой личный предел не превысишь. Но с симбионтом это не так просто: десяток он практически гарантирует,

а дальше – как повезёт. Кстати, седьмым на очереди будешь.

- Вот здарсьте! Это кто у нас шестеро шустрых?

- Известно кто: я, девочки, Саша. А первым у нас Фуркан. Сам прискакал, говорит, год мечтал о любой поделке, что хоть на граммулечку его с самого низа пищевой цепочки приподнимет, а тут такое богатство. Натерпелся от пиратов, сил нет. А тут Эдик мимо пробежал. Чего это тут, говорит, вкусного раздают? Дайте, говорит, мне тоже, да побольше, побольше. В общем, я сам только третьим в очереди.

- И почему я не удивлён, что именно эти двое при раздаче халявы первыми приходят на запах?

Не отворачиваясь от монитора сдержанно хихикнула Катя, а от входа раздался ехидный голос:

- Ну-ка, ну-ка, кто тут поминает всуе священное слово «халява»? – в проходе, уперев руки в боки, гордо воцарялся Эдик, облачённый в стильный чёрный комбинезон, явственно отдающий военщиной, а на левой груди белая нашивка в виде серпа и молота со стилизованными крылышками по бокам. Что-то до боли знакомое.

- Вот это нарисовался – хрен сотрёшь! – выразил я свои чувства, заодно поднимая бровь, - Это не «Аэрофлот», часом? Где взял?

- Он, родимый! – гордо выпятил грудь капитан, любовно поглядывая на нашивку, - костюмчик в моей каюте нашёлся, а логотип я с помощью нейросети по памяти восстановил, а мужики потом на принтере распечатали. Ну, на котором ты

детальки для пушки делал.

- Вот так и рушатся империи, - с нарочитым пафосом проговорил я, - из-за разгильдяйства, кумовства и нецелевого использования стратегического оборудования.

- А когда ты себе затычки ушные на этом же принтере печатал – это не было нецелевым использованием? – язвительно поинтересовался Канюк.

- Затычки делались для сохранения работоспособности ценного корабельного инженера, у которого очень чуткий сон, а за переборкой великовозрастные детишки рубятся в стрелялку и орут, будто из них изгоняют сатану.

Иваныч при этом стыдливо отвёл глаза. Тоже орал что ли? Но игрался-то уж наверняка, полюбил он это дело.

- А сам-то, сам-то, не играл можно подумать? Да тебя втроём оттащить не могли, когда ты на пауканов охотился! – театрально распалился Эдик, жестикулируя, как урождённый итальянец.

- Ложь, звездёжь и провокация! Я только одним глазком и одним пальчиком, чтобы от коллектива не отрываться, да спать пошёл, чтобы с утра подымать народное хозяйство, не то что некоторые.

Друг попытался выдать что-то остроумное про подымаемое с утра хозяйство, но его перебил профессор.

- Так, детишки, пошутили и шабаш. Теперь о серьёзном. Мы с Эдиком мгновенно напряглись. Весёлость как ветром сдуло. Токмашев, убедившись, что мы собрались и го-

товы слушать, продолжил.

- Глеб, игрушка, которую ты нашёл, содержит другой штамм того же вируса, который хранится в этой лаборатории для работы с биотехнологиями. Насколько я понимаю – это стандартный штамм для работы с формами, которые производятся на «Колонизаторах» – от нейросетей до кораблей, хранится для дальнейшего развития генной инженерии в колонии, ну и на случай ЧП на титане, если белковые шаблоны будут утрачены. Так вот: имея один штамм, со временем можно научиться его видоизменять для работы с самыми разными биологическими формами, видимо, как-то так оно и работало в колониях. Но если нет обмена данными с метрополией, то работа со штаммом может растянуться на века – очень уж простая структура у вируса при огромном для наноразмера функционале. А вот если штамма два, то на сравнительном анализе работа с ними может ускориться на порядок. Вы понимаете о чём я?

Эдик неопределённо покрутил рукой, а я неуверенно кивнул. Слишком я далёк от биологии в целом и от генетики с вирусологией в особенности.

- Ну, ладно, тогда объясню попроще: один штамм – это ключ к мощному развитию биотехнологий для любой расы, не достигшей в этом уровня сполотов. А два штамма – это ключ к развитию, ускоренному в разы. Для Земли это будет рывок сразу на десяток тысяч лет в будущее, и всего за одно-два поколения!

- Да что такого в этой бацилле, чем она так полезна-то? – удивление капитана так явственно отразилось на лице, что я поневоле заулыбался.

- Хорош лыбу давить, объясни лучше, если понял, а то я реально не вкуриваю. Ну, вот как этот спидорак трипперный может Землю в науке продвинуть аж на десять тыщ лет, а?

Я глянул на профессора в поисках поддержки, но тот лишь пожал плечами, дескать, «нет уж, давай сам». Ну, сам, так сам.

- Короче, смотри: вот есть у тебя какое-нибудь облысение или импотенция...

- Да нет у меня никакого облысения, тем более импотенции!

- Это для примера, не перебивай. Так вот. Чтобы вылечить твою импотенцию, - Канюк свирепо раздул ноздри, - нужно взять из ДНК какого-нибудь коня нужный ген и вставить его в соответствующее место в твоей ДНК. Тогда у тебя и грива будет как у того скакуна, и потенция не хуже. Это понятно?

- Понятно. – буркнул Эдик. Иваныч сдержанно хихикал, а за его спиной, уткнувшись носом в стол, содрогалась Катя.

- Вот чтобы этот ген достать, перенести и вставить куда нам надо, нужен управляемый наноробот, у которого есть все нужные функции. Наш вирус – это и есть такой наноробот.

- Ладно, полезная бацилла, верю. Но причём тут десять тысяч лет?

- Как причём, дружище? Подумай – сколько всего нуж-

но для производства банального земного компьютера: добыть кучу полезных ископаемых, включая редкоземельные, переработать, сделать из них высокотехнологичные детали, в нужном порядке собрать в логичные схемы, упаковать в корпус, подключить управляющие, а так же устройства ввода-вывода, и ещё куча всего сопутствующего. Представил?

- Угу.

- И это всё – тысячи добывающих и перерабатывающих предприятий, заводов и фабрик, сборочные и упаковочные цеха, куча сопутствующих организаций и сложнейшая логистическая система, инфраструктура и коммуникации. А с этой «бациллой» - создал соответствующую модель мозга, и выращивай их миллионами, только биомассу подвозить успевай, которой на любой помойке или свиноферме тонны. То же самое с кораблями, да почти с чем угодно. Ощущаешь размер технологической пропасти между нами и сполотами?

- Угу. – незамысловато повторил капитан, но уже с другой интонацией, видимо, пропасть перед ним разверзлась во всю ширь.

- В связи со всем вышеупомянутым, ребятки, - снова вступил в разговор Токмашев, - предлагаю сохранить эту новость в нашем узком кругу.

- И нафига такая секретность? – снова не понял наш главный пилот.

- Эдик, пока ты изучал корабли, их комплектующие и вооружение, я не только медицинские базы себе загружал, но

и политикой Содружества интересовался. Так вот: старшие расы сильно не любят, когда молодые да ранние посягают на их безоговорочное технологическое превосходство. Особенно в этом выделяются родственники сполотов – аграфы. Таких подлых и нетерпимых шовинистов ещё поискать. Ничем не гнушаются – от подкупа до полномасштабной войны, лишь бы задавить угрозу в зародыше. Теперь понимаешь?

- Не совсем же я дурак, понимаю. Пока про нас никто в Содружестве не знает, мы в безопасности. А такие супер-пупер технологии - повод обратить на нас пристальное внимание. Так?

- Верно. И думается мне, что с аналитикой у старших рас всё в полном порядке. Стоит просочиться информации...

- Да понял, понял. Прилетит толстый пушной зверёк в голубом звездолёте и бесплатно открутит башку.

- Вот и ладушки, - хлопнул нас по плечам профессор, - кому положено уже в курсе, а остальным это и ни к чему.

С этого дня началась если не рутина, всё-таки кругом всё такое непривычное, необычное и интересное, то уж наверняка трудовые будни. Дни проходили в беготне, наладке рабочих процессов, организации людей, запуске производственных линий и совещаниях, а ночи – в медкапсуле. Я даже в собственной каюте впервые смог поспать только недели через две, когда установка имплантов и запланированных баз знаний под ускорением успешно завершилась.

К этому времени все новички уже были полностью обуче-

ны и пристроены к работе. Оставалась только психологическая адаптация, и с этим бывали проблемы. Люди психовали, грустили, делали глупости, выясняли отношения между собой и пытались пощупать инопланетян.

Если Мурзик сразу дал понять любопытным – какова безопасная дистанция, то интеллигентный Саня предпочёл самоизолироваться в парке. Да, всего за полторы-две недели дикая роща его стараниями превратилась в уютный парк с дорожками, скамейками и даже маленьким водопадом с бегущим от него ручейком.

Первую неделю технические дроиды только и делали, что вывозили древесный мусор. Забили под пробку целых два бункера для органики, чему свеженазначенный рыжий комендант обрадовалась, будто премию получила. Нарекли новую должность комендантом, ибо обозвать Евгению Марковну боцманом язык не повернулся даже у Эдика. Вернее, он бы обязательно повернулся, но инстинкт самосохранения у лётчика работал отлично, поэтому остановились на коменданте.

Комендант действительно показала немалый профессионализм, не только проведя тотальный учёт и ревизию всего вверенного хозяйства, но и провела расчёты запасов сырья и комплектующих для всех задействованных производств.

Выходило, что всякой мелкоты, вроде дроидов, искинов и нейросетей мы можем наклепать на целую армию, хоть и не быстро, но вполне уверенно. А вот с флотом всё гораздо

скромнее. Приходилось решать: ограничимся мы маломерными судами с парочкой средних, скажем, фрегатов, или будем разворачивать пустотную верфь и выращивать линкор?

Правда, дебаты закончились практически не начавшись. Если на москитный флот достаточно установить искины, то корабли побольше для полноценного боя требуют живых пилотов, которых у нас и десятка нет.

Это нам поведали наши пилоты, кто успел помимо пилотажных баз изучить тактические. Пришлось напомнить, что успешно показавшая себя ЭМИ пушка как минимум вносит в стандартную тактику некоторые коррективы. Учитывая же, что воевать мы собираемся не с военным флотом государств Содружества, а с пиратами, которые и вооружены разношёрстно, и лобовым атакам предпочитают набег и засады, то коррективы довольно существенные.

Приходилось учитывать и то, что нас всего шестьдесят, включая пилотов, штурмовиков, медиков и одного садовника с культурологическим образованием. И это при том, что на всех задействованных линиях предполагается наличие не менее десятка только инженеров, а техников и других рабочих – не менее пары тысяч. И вот что делать?

Пока судили, да рядили, пытаясь полусотню человек растянуть на тысячу вакансий, поспела первая партия инженерных и технических дроидов, которые показали себя вполне способными заменить на конвейере живых низкоквалифицированных рабочих.

Таким образом одна из проблем решила сама собой, правда частично и временно, ибо в любой нестандартной ситуации, которые даже на инопланетном производстве случаются, живой человек способен принять решение, недоступное искусственным мозгам.

Оценив интеллектуальные способности сполотских искусственных интеллектов, я осторожно предположил, что десяток беспилотных корветов даже если не способен вести полноценный бой, то послужить надёжным огневым и щитовым прикрытием вполне мог бы.

Эдик и невнятный мужик из команды Михаила, видимо, их пилот, посоветовались и сошлись во мнении, что идея стоящая и её необходимо проверить, проведя учения прямо тут, в облаке обломков. Заодно боевое слаживание провести, протестировать ЭМИ пушки в разных ситуациях, да и посмотреть на биологических абордажных дроидов, так сказать, в работе.

И даже при частичной замене естественных мозгов искусственными, дефицит кадров всё равно оставался критическим.

Тем временем бригада отрабатывающих трудовую повинность конкурентов перелопатила уже изрядную область корабельного кладбища, собрав целую гору всяческого добра. Даже безразмерный трюм «Колонизатора» начал показывать края, и с этим тоже надо было что-то делать.

Ожидаемое фуркановское «Продать!» горячо поддержала

Евгения Марковна. Но старый и мудрый Иваныч, выслушав мнения, поинтересовался: а нельзя ли на сполотской верфи отремонтировать корабли Содружества, которые не совсем в хлам? Ведь явно же целые корабли, даже после капремонта, будут в разы дороже, чем запчасти.

Это высказывание горячо поддержал уже я. Свеженькие базы по инженерии титана и его производств давали понять, что это не просто возможно, а ещё и невероятно перспективно. Ведь небольшие суда, коих в облаке было подавляющее большинство, можно было реставрировать даже в ремонтном ангаре трюма, при этом модернизируя биотехнологиями, которые во фронтире и дальше были огромной редкостью и ценность имели немалую.

Тщательно обдумав сказанное на заседании, я выдвинул предложение отправить команду Михаила, как местных, в составе шести боевых кораблей и грузовоза в сторону обитаемых миров. Задач нарезал несколько.

Во-первых, продать часть трофеев. Восстановлению подлежало от силы с полсотни кораблей, а комплектующих набиралось на несколько флотов.

Во-вторых, нам нужно пополнять запас органики. Сто миллионов кубов – это много для нашего изначального плана-минимум, когда мы собирались отслеживать пиратов по одному, но слишком мало для плана, который назревал у меня теперь. Ведь отлов пиратов и работоторговцев – это только начало. И даже штурм каких-нибудь пиратских баз, ко-

гда информация о них будет-таки получена, это тоже один из начальных этапов.

Да, на нашей барже придётся сделать несколько сотен рейсов, чтобы наполнить бункеры титана хотя бы наполовину, но лиха беда начало. Даже один рейс – это пара корветов, тысяча дроидов или миллион нейросетей. А ведь можно купить грузовоз и побольше. Раз в несколько.

В-третьих, нам нужны люди. В идеале – собрать всех возможных землян, которые будут кровно заинтересованы в успехе нашего предприятия. Но, учитывая масштабы Содружества, шансов набрать хотя бы сотню, мягко говоря, немного.

Поэтому, в условиях очень ограниченного бюджета, мне показалась перспективной идея вербовать классический пролетариат – тех, кто готов работать, но кому не повезло с социальными лифтами. Работа в условиях строжайшей секретности, при небольшой зарплате, но при этом – обязательная установка продвинутых биологических нейросетей и пакета баз знаний, а так же некоторых имплантов по выбору – это то, что наверняка заинтересует очень многих на придонном уровне общества махрового капитализма.

И в-четвёртых, пришла пора напомнить оширцу Джау о нашем разговоре. Пускай связывается с коллегами и начинает пасти фронтирский криминалитет. Кстати, услуги корабля-разведчика с «навороченной» системой радиоэлектронной борьбы аж шестого поколения нам теперь без надобно-

сти – свои игрушки покруче будут.

Что интересно, многое на титане, даже не имеющее отношения к биотехнологиям, намного превосходит электронику и оборудование Содружества по большинству параметров. На мой резонный вопрос «какого, собсно, всезнающего травянистого растения это так», ан Сан ответил, особо не задумываясь:

- Ты же техник? Базы и по нашему, и по оборудованию содружества есть?

- Угу. И?

- Как это у вас там называется... разделы... монтажа и замены сравни.

- Хочешь сказать, что Содружество пожертвовало большинством параметров ради модульного конструирования?

- Ну, так проще же?

Ещё бы. Даже внутри одного государства модульный монтаж любых кораблей от бота до линкора – это очень удобно и чрезвычайно быстро. А внутри огромного альянса, где некоторые государства выбрали себе специализацию в каком-то одном виде или скорее типе продукции, это ещё более удобно и практично. Тем более, что с каждым поколением отставание в функционале уменьшается.

Хм... а не обломится ли наше предприятие с модернизацией железных кораблей из-за того, что биотехнологии вот вообще ни разу не вписываются в стандарты Содружества? Ни один техник наши приборы ни починить, ни демонтировать

вать не сможет, разве что выдрать с мясом.

А вот нифига – будут расхватывать, как горячие пирожки, да ещё и добавки просить, ибо наши прибабасы равняются минимум шестому поколению против третьего-четвёртого во Фронтире. И в условиях перманентной опасности боестолкновения такая разница в поколениях равна разнице в шансах на выживание.

Что же мы можем предложить местному рынку? Ремонтные дроиды у нас слишком специфические, по биотехнологиям, а не по железу. Оружия самим мало – это не вырастишь, поэтому медленно, а нам ещё собственный будущий флот вооружать.

Медкапсулы – очень долго и очень дорого, во Фронтире мало кто потянет. Искины и нейросети? Насчёт искинов надо подумать, а вот нейросети лучше пока не светить. Слышал, что одноимённая корпорация, между прочим монополист во всём Содружестве, а это вам не гвозди чреслом заколачивать, чрезвычайно ревностно относится к любым попыткам создать конкуренцию. То есть – череповато последствиями.

Боевые дроиды? Как вариант. Но пока не разберёмся с пиратами, лучше не надо, а то не улыбается воевать с собственной продукцией. Что ещё?

Пожалуй, самым нейтральным, безобидным и достаточно интересным для рынка выглядят только системы жизнеобеспечения. Даже не так: регенерационные комплексы для

СЖО. А что, компактные, ремонта не требуют, так как умеют регенерировать, энергию скорее нюхают, чем потребляют. А с любой очисткой и освежением воздуха справляются в разы лучше, чем всё, что можно достать во Фронтире. Разве что подкармливать нужно иногда, но это уже мелочи.

А главное – производятся легко и быстро, причём буквально сотнями в реакторе могут выращиваться. Правда, дорого не продашь, но это можно компенсировать количеством. Ладно, едем дальше...

Так, стоп! Опять я пытаюсь сам во все сферы деятельности влезть? У нас для этого есть специалисты, вот пускай и занимаются, а у меня поважнее дела есть.

Озадачив этим вопросом Евгению Марковну, выслушал Мишу, который попросил три дня на подготовку к экспедиции кораблей и экипажей. Внезапно, в роли торгового агента добровольцем вызвался Фуркан, по его словам, торговаться научившийся раньше, чем говорить. Правда, он так и не смог объяснить – как это технически осуществимо.

Тем временем, сверившись со своим цифровым гроссбухом, комендант доложила, что регенерационных комплексов на складе лежит полторы тысячи штук, ещё четыреста дозревают в биореакторе, а до старта экспедиции можно вырастить ещё около тысячи. Если же временно перевести на это дело реакторы с других линий, которые сейчас не задействованы, то ещё тысяч двенадцать-пятнадцать произвести вполне реально.

Правда, рачительный завхоз посетовала на то, что это нарушит расчётные запасы сырья, так как каждый комплекс – это без малого кубометр биомассы, а в процессе выращивания расходуется ещё какое-то количество. Учитывая, что бункеры и так уже почти дно показывают, двадцать с гаком тысяч кубов – это существенно. Так что вопрос приобретения органики нашему торговому агенту нужно будет решать в первую очередь.

Фуркан, так же усвоивший технические базы «Колонизатора», в том числе о качестве необходимого сырья, уже прикинул как будет решать этот вопрос и только согласно покивал.

Неожиданно голос подал Токмашев. Профессор усвоил требования к экспортным товарам, обдумал с точки зрения своей епархии, после чего предложил разгонные препараты для усвоения баз знаний. То, что они на порядок качественнее, чем всё, что пускали по венам в приграничье, соответственно, меньше побочных и быстрее усвоение знаний, должно изрядно заинтересовать коллег по цеху.

К сожалению, для массового производства препаратов тут пока ничего нет, но до сотни картриджей, на пробу, подготовить он берётся.

Серёга Безменов, наш с Фурканом первый коллега, подавшись общему настрою, сходу выдал с десятков наименований датчиков и сенсоров, которые мы при желании можем производить хоть десятками тонн, но для этого придётся га-

мырить какие-то переходники, которых у нас пока даже в проекте не было. Но начало многообещающее, так как биотехнологические «глаза и уши» превосходили отсталое железо Фронтيرا даже не на один, а на два порядка.

Что ж, начало положено, а там и ещё ассортимент прибавится.

Так, малыми силами, мы постепенно осваивали новообретённое хозяйство, не задействовав пока даже тысячной доли всех производственных возможностей гигантского корабля. Однако, даже это казалось колоссальным прорывом после того, как всего вшестером мы собирались заработать на борьбу с рабовладельцами космическим старательством.

Да, полтора миллиона цифровых пиастров почти за месяц, против выращенного за несколько часов симбионта стоимостью в пару десятков миллионов. Будь моей целью обогащение – прыгал бы от радости.

Но так как цели были иные, то радовался я больше тому, что выросли наши общие и индивидуальные возможности – от физических до интеллектуальных. Когда до меня дошла очередь на установку имплантов, первые везунчики уже наглядно показали разницу между базовыми возможностями человеческого организма, и тем, что дают биологические усилители сполотов.

Фуркан с улыбкой сытого крокодила наматывал на руку стальной прут в сантиметр толщиной, Эдик на нашем первом выращенном корвете крутил вокруг «Колонизатора» та-

кие фигуры высшего пилотажа, каким ещё и названий не придумали, после чего рассказывал, что сопряжение с кораблём настолько полное, будто сам летишь в пустоте без скафандра и чувствуешь на коже лучи местной звезды.

Профессор помирился с Аллочкой и завёл привычку помолодецки носить её на руках. А для демонстрации работы регенерационного импланта он порезал себе тыльную сторону ладони, которая перестала кровоточить через пару минут, к вечеру порез затянулся, а к утру от него осталась только розовая полоска шрама.

В общем, наши индивидуальные шансы на выживание в предстоящей борьбе заметно увеличились. Разве что действие остальных имплантов лично для меня пока оставалось не вполне очевидным.

Если имплант на «прирост ума», как его для простоты обозвал Иваныч, заявлял о себе, когда приходилось решать сложные задачи, я даже ЭМИ пушку без особых проблем доработал, сделав автоматическую замену катушек и сбалансировав систему расчёта силы и дальности импульса, то «пси» себя пока не проявило вообще никак.

Улучшив себя, личный состав и наш пока ещё маленький флот всем, что смогли на данный момент произвести, я рассчитывал, что мы уже вот-вот приступим к осуществлению основного плана, но жёсткий дефицит всего и вся вынудил отложить его на время экспедиции.

Поначалу я и не думал в ней участвовать – зачем, старо-

жины со всеми поставленными задачами без меня прекрасно разберутся, но когда Миша упомянул, что придётся посетить минимум две планеты, у меня разгорелся интерес. К космосу-то я уже попривык, а вот на другие планеты своими глазами посмотреть – прямо новое личное достижение, даже детская мечта.

И уже загнал было это желание куда подальше – дел-то здесь для меня ещё выше потолка, но тут пришёл турок и огорошил новостью, что новые все из себя суперские корветы у нас – без гипердвигателей.

На резонный вопрос «какого, собственно, травянистого растения» мне объяснили, что производство гипердвижков – очень и очень наукоёмкое, сложное и в наших условиях пока не осуществимое, хотя документация по нему в компах есть, так что в будущем дорастём и до него.

Дескать, на начальных этапах свежей колонии достаточно запаса, привезённого из метрополии, тем более, что основная масса выращенных кораблей первое время будет работать исключительно внутри выбранной для освоения планетарной системы. А потом колонисты либо свой заводик построят, либо домой сгоняют по-быстрому.

Конечно, у нас имеется запас рабочих или ремонтнопригодных гиперов с кладбища, но это такое старьё... Всё равно, что на современный спорткар ставить движок от мотороллера.

В принципе, любой из наших техников с обновлёнными

базами знаний справился бы с задачей подбора гипердвигателя Содружества на любой корабль Содружества, или то же самое со сплотскими агрегатами. Но вот совместить одну технологию с другой...

В общем, у меня появился официальный повод рвануть в экспедицию. И вот тут себя внезапно проявило моё неуловимое «пси»: помимо простого любопытства я отчётливо почувствовал: надо лететь.

Ну, раз надо – вступим в НАТО. По самые Нидерланды. О чём я и заявил всей честной компании. В смысле, о том, что лечу в экспедицию, а не о вступлении в НАТО. Но им хватило и этого, чтобы замахать руками, закатить глазки и запрочитать «на кого ж ты нас покидаешь».

Но сделав морду памятником самому себе, я оставил на руководстве совет старейшин и гордо удалился готовиться к путешествию.

Глава 2. Приключения на нижние девяносто.

- Я смотрю, вы очень предприимчивые ребята, - вытаращил узкие глаза Джау, - улетали на четырёх кораблях, а прилетели на семи, нашли денег на контракт с нашей службой безопасности и на покупку биомассы вместе с новым кораблём!

«Да, детка, мы такие!» - горделиво покивал Миша, выпятив нижнюю челюсть.

- Кстати, для чего вам биомасса во Фронтире? Не поду-

майте, что лезу в ваши дела, спрашиваю из чистого любопытства. По моему опыту, органику в этих диких краях покупают разве что наркоторговцы для выращивания своей отравы. Но не в таких количествах! Да и зная отношение Абагая к наркоте...

Что-то такое Михаил рассказывал – их семью в девяностые тоже зацепила волна наркомании, кто-то из родственников не то сам подсел, не то пострадал от агрессивного торчка. В общем, он такую личную неприязнь к любой дури испытывает, аж кушать не может.

- Мы же своих земляков собираемся из рабства выручать, - выдал я заранее сочинённую заготовку, - а их только по моим данным – многие сотни. Не на станцию же их привозить в таком количестве. Нашли в диком космосе планетку – с атмосферой, но абсолютно безжизненную. Пока родную планету не найдём – будем эту обживать, заодно форпост организуем, на будущее.

По сузившимся обратно глазам оширца было невозможно понять – поверил он в эту версию или нет, но покивал в ответ вполне уверенно.

- Ну, что ж, ближайшая ресурсная планета директората Ошир – ZLPN/W-38. Абагай, лови координаты. А пока летите, я свяжусь с бывшими коллегами, они там всё организуют, заодно обсудите контракт. С покупкой грузовоза моя помощь требуется?

- Нет, спасибо, - подал голос Фуркан, начиная исполнять

принятые на себя обязанности торгового представителя, - мы всё равно сначала летим на «Базар», а там широкий выбор кораблей.

Джау развёл руки в жесте «хозяин-барин» и никаких дополнительных услуг предлагать не стал.

Планетарная система «Базар» состояла аж из двенадцати планет, из которых три были раскалёнными шариками, с огромной скоростью снующими вокруг светила, ещё три – газовыми гигантами, служившими халявной заправкой для многочисленных торговцев и покупателей. Четыре ледяных планеты работали такими холодильниками для тех же газов, но уже сжиженных или даже замороженных, а так же источником воды. И лишь две относительно подходили для жизни.

Относительно, потому, что вторая была довольно холодной и с гравитацией около полутора стандартных, и это при том, что стандартной в Содружестве считалась примерно девять с половиной земных. И обе планеты оказались пустынями с очень бедной атмосферой.

Собственно, Базар когда-то либо начали терраформировать, но не закончили, либо всё живое на нём было уничтожено в результате какой-нибудь войны. В общем, жить тут было в принципе можно, но как-то грустно. Вода и еда – привозные, воздух – только в баллонах или регенераторах, кругом пустыня и немножко гор. Всё.

Как ни странно, основным базаром являлась орбитальная станция, изначальный вид которой невозможно было угадать

из-за массы всевозможных пристроек, надстроек, ангаров и доков, наклепанных за ёж знает сколько лет существования Базара.

На подлёте это чудовище выглядело, как груда металлолома, в которой едва угадывалась какая-то закономерность, да и внутри без электронного гида, предлагаемого всем новоприбывшим за символические десять кредитов, не мудроно заблудиться уже за третьим поворотом. Зато именно эта железяка и являлась основным Базаром.

Всей системой владели кланы, когда-то поделившие между собой сферы влияния путём многолетних интриг и войн, но теперь существовавшие едва ли не как органы единого организма.

Этот странный организм раскинулся на всю систему, добывая ресурсы или предлагая услуги по их добыче, фасовке и транспортировке на газовых гигантах и ледяных планетах, торгуя огромным количеством самых разношёрстных кораблей вокруг второй условно жилой планеты, там же их ремонтируя и модернизируя.

Основная же планета поделилась на орбитальный рынок, где происходила львиная доля всей торговли, и планетарный, который могла бы органично озвучить героиня Нонны Мордюковой: «Базар – город контрастов».

И контраст оказался разительным. В экваториальной зоне расположилась этакая зелёная клякса элитного района, где под силовым куполом жили потомки основателей Базара и

все «лучшие люди», предпочитавшие искусственный оазис под натуральным солнцем при ноль девяти «Же», комфортабельным каютам на станции.

Под тем же куполом сосредоточились все основные инфраструктуры и коммуникации, а так же – небольшой рынок со всем самым дорогим и малогабаритным, что мог предложить Фронтир, от антикварной мебели из натурального дерева до артефактов Древних.

А вокруг эту кляксу широким полукольцом охватили трущобы, главным образом состоящие из обломков кораблей. И здесь торговали всем, что осталось после остальных торговых площадок: от натурального мусора – обломков и ворованных запчастей, до рабов.

Нет, полноценного рабства хозяева не допускали, так как систему регулярно посещали патрули государств Содружества, которое рабство официально запретило, но крайняя нищета исправно поставляла на рынок тех, кто сам готов продаться за погашение долгов, ради лечения или просто избавления от голода как пищевого, так и кислородного. Здесь это стыдливо называли «бессрочным наймом»

Орбитальная станция Базара не смогла поразить ничем, кроме своей запутанной и откровенно хаотичной архитектуры, ну и немножко – пестротой товаров и лиц. Здесь я впервые увидел настоящего живого рептилоида. Но не того, который боевой хищник, а такого миниатюрного прямоходящего горбатого крокодильчика, одетого в странное футуристи-

ческое подобие среднеазиатского халата и турецкой фески.

Крокодилчик яростно торговался с двумя особями неопределённого пола, но явно европеоидной внешности за прибор, безошибочно мной определённый, как комплексный датчик загрязнения системы жизнеобеспечения. Да, всего второе поколение, но зато аграфский!

Свирепость спора позволила вволю потешить любопытство, разглядывая неведому зверушку расы ашхамази – космических торговцев и прохиндеев, тем не менее, имеющих свой кодекс чести, делающий их больше торговцами, с которыми можно иметь дело, чем прохиндеями.

Несмотря на крокодилю морду и характерный буровато-зелёный цвет, динозаврик не был покрыт чешуёй, её заменял сплошной покров из мелких морщинок и складок, как у престарелой обезьяны.

«Эх, Иваныча бы сюда, вот для кого был бы интересный экземпляр!» - подумал я, внезапно вспомнив про функцию видеозаписи на нейросеть. Хоть этим порадую старшего товарища.

Насмотревшись на чудо-юдо, я вдруг осознал, что предмет их торга строго соответствует одному из наших товаров, привезённых на продажу. Хотел было сунуться с предложением, но вовремя вспомнил, что у нас припасён торговый представитель, для которого феска – тоже часть национального костюма, и поманил к себе Фуркана.

По вспыхнувшему в его глазах термоядерному азарту я

понял, что про умение торговаться он не соврал, а следующие полтора часа после того, как гермафродиты с выпученными глазами сбегали, унося купленный втридорога датчик, наглядно показали, что ещё и преуменьшил. Последние минут пятнадцать наш техник незаметно перешёл на турецкий, а крокодил кашлял, плевался и шипел, но это не мешало им понимать друг друга, да ещё и прийти к согласию.

Когда азартный рептилоид выкупил всю партию регенерационных комплексов за три с половиной цены от изначально нами запланированной, я готов был турку памятник воздвигнуть нерукотворный. И судя по мимике Михаила, он был со мной солидарен.

Но тут ящер узнал, что ништяков у нас целый грузовоз, набитый так, что только по швам не лопается, и вторая часть Марлезонского балета не заставила себя ждать.

К вечеру, обойдя изрядный кусок станции, мы попробовали местную кухню из того, что выращивали на планете, перещупали гору оружия, инструментов, приборов и всякой электроники – от бытовой до боевой, устали отмахиваться от предложений наркоты, плотских утех и радикального решения щекотливых проблем с конкурентами по бизнесу, надоевшими жёнами и претендентами на наследство богатого дядюшки. Хотели было предметами искусства и артефактами древних поинтересоваться, но за этим нас отправили в оазис на планете: такое только там.

Когда поступило предложение проверить – не перегрыз-

ли там друг другу глотки турок с крокодилом, Фуркан с двумя бойцами из штурмовой группы Абагая , оставленными с ним в качестве охраны, проявился сам. Скинул короткое сообщение: «Я всё. Двигаю на корабль».

Как оказалось – действительно всё. В смысле – продал всё, что мы привезли, кроме химии профессора и артефактов древних. Хотел было купить или обменять гиперприводы, в которых мы нуждались, но четвёртое и пятое поколения вылезли в такую сумму, что решено было отложить покупку до посещения центральных миров, где это считалось позапрошлым веком и стоило на порядок дешевле.

Для торговца средней руки такие товарно-денежные объёмы оказались запредельными. Но не упускать же выгодную сделку из-за такой мелочи! Поэтому в течение нескольких часов турок поторговался с десятком сородичей ящера, вызванных для поддержания и закрепления деловых отношений, охрип, устал, выучил несколько крокодилийх ругательств, но выручил сумму, почти в полмиллиарда цифровых денег, вогнав рептилоидов в долги перед местным банком.

По случаю такой удачной сделки, он даже показал аттракцион неслыханной щедрости, подарив пару десятков датчиков, спешно адаптированных Серёгой к технике Содружества. Правда, коварный осман предсказал, что распробовав новый товар, динозавры залезут в долговое рабство, но потребуют полноразмерных поставок уникальных запчастей.

По случаю удачной сделки воодушевлённые мужики с азартом организовали сабантуй, притащив какую-то зелень, экзотических форм ёмкости, видимо, с чем-то алкогольным, и даже натуральное мясо. Откуда, почём и чьё, я благоразумно решил не выяснять. Благо, мазохистов и прочих канибалов в команде не имелось.

Как урождённый охотник и рыбак Сибири, Миша взялся готовить мясо. Вот только ни плиты, ни сковородки, ни даже костра под рукой не оказалось. Поэтому пришлось спешно гамырить сковородку из подручных материалов, а вместо костра раскорячивать посреди кают-компания ремонтного дроида в позе примуса с плазменной горелкой на минимальной мощности.

Обалдевшие от архаичной сцены готовки местные, сгруппировались у стеночки и боялись дышать, жадно ловя каждое действие повара и одуряющие запахи. Похоже, авторитет алтайца в их глазах подрост ещё на несколько пунктов.

Вечер прошёл весело, в тёплой, как говорится, дружеской обстановке. Обычно не очень компанейский и довольно сдержанный Фуркан в этот раз оказался в центре внимания, в красках расписывая торговые баталии с ушлыми пресмыкающимися. Его распирало от гордости за такую грандиозную сделку и удовольствия от бешеного торга. Едва не лопаясь по швам от чувства собственной важности, он благосклонно принимал похвалы и поздравления, постепенно накачиваясь местной синькой, от чего начал повторяться и по-

тихоньку оплывать на диване.

Конечно, перед завтрашним спуском на планету, где предстояло пройти ещё по двум пунктам нашего списка, следовало бы поддержать нашего торгового представителя в трезвости, но наличие медкапсулы давало некоторые послабления. Парень ведь реально большое дело сделал, при этом изрядно вымотавшись. Так что пусть расслабляется, заслужил.

Планета встретила нас ясным фиолетово-синим небом и тёплыми лучами светила, ласково пригревающими лицо под прозрачным забралом шлема.

Я впервые стоял на поверхности другой планеты и явно это ощущал. Вокруг расчищенного под посадочную площадку скального плато местами торчали непривычного вида остроконечные каменные зубья серовато-рыжего цвета, присыпанные почему-то нежно-розовым песком. Слева зеленела под силовым куполом местная «Рублёвка», дальше за ней громоздились чёрно-серые завалы звездолётной рухляди, а справа и впереди в персиковую даль уходила оранжево-розовая пустыня, чередуя изящные барханы с угловатыми скалами.

Красиво. Чужеродно и красиво. Если красноватые оттенки камней ещё могли сойти за какую-нибудь Австралию или центральную Америку, то резкий голубоватый свет звезды, мелкой злой горошиной светящей в правый глаз, и слишком тёмное дневное небо не давали шансов принять эту мест-

ность за земную. Да и кислорода тут нет. Вернее, слишком мало для жизни.

Ребята из местных и старожилов вежливо постояли в сторонке, давая нам, новичкам, проникнуться инопланетной романтикой, а затем Михаил напомнил, что мы планировали управиться здесь за один день. Новички дружно покивали и потопали в сторону шлюза, не переставая вертеть головами.

Вооружённая до зубов охрана в каких-то совсем уж brutальных бронекостюмах, делающих их похожими на боевых роботов, предельно уважительно пригласила нас в досмотровый отсек, сверилась с заранее поданным списком посетителей, провела беглый досмотр и едва ли не с поклонами проводила внутрь купола.

Интересно, это они со всеми гостями так, или признали в нас платежеспособных клиентов?

- У них в СБ спецы-отставники с внутренних миров служат, и получают в разы больше, чем до отставки. Так что о нашей удачной торговле они узнали раньше, чем Фуркан нам сообщил. – ответил на тут же заданный мной вопрос Миша.

Вся местная торговля сосредоточилась в одном продолговатом здании метрах в двухстах от шлюза, поэтому обошлись без транспорта. Топая с открытым забралом по упругой, будто прорезиненной дорожке, не мог отделаться от мысли, что если не приглядываться, то вокруг всё похоже на привычный по голливудским фильмам какой-нибудь богатый пригород Лос-Анджелеса.

Синее небо, светлые малоэтажные дома, утопающие в зелени. Разве что не прямоугольные, а округлые. Даже что-то похожее на пальмы торчало в разных местах. А вот если приглядываться, то дома больше похожи на футуристические яхты, зелень отнюдь не вся зелёная – проглядывает и буро-фиолетовая, и уже знакомая бирюзовая, и совсем уж экзотическая лазурно-синяя, похожая на морские анемоны и голотурии, на миниатюрные плакучие ивы и мясистые суккуленты, отороченные шевелящимися щупальцами. В общем, раздолье для космобиологов и бесславная гибель для любопытных земных туристов, забывающих смотреть под ноги.

Несмотря на общий силовой купол, предохраняющий жилую зону как от утечки воздуха, так и от любой внешней агрессии, включая жёсткие излучения, у здания имелся собственный шлюз. На всякий пожарный, наверное.

Широкий извилистый коридор можно было бы принять за тропинку в парке из-за обилия зелени, если бы не высокий покаты́й потолок и выпуклые витрины торговых залов, собственно и делающие коридор извилистым.

Стекло, металл и обильная отделка деревом, ну или качественной имитацией, видимо, подразумевали здесь какой-то очень архаичный стиль, либо просто подчёркивали внешней дороговизной и минимализмом элитность присутственного места.

За первым «аквариумом» улыбчивый продавец призывно разводил руками в стороны гармонично расставленной де-

ревянной мебели, в основном – стульев и небольших столиков, хотя у стен притулилась пара пузатых комодов и один шкаф. На некоторых столиках присутствовали деревянные шкатулки. Вроде бы шкатулки.

Но в целом дизайн не впечатлял. Земные краснодеревщики дали бы сто очков форы местным мастерам. Разве что цвет некоторых пород древесины притягивал взгляд: бледно-голубой с бордовыми полосками, пастельно-салатовый, сиреневый.

С деревом в мастерской мне тоже приходилось работать довольно часто, поэтому материал-таки заинтересовал. Если, конечно, это натуральные цвета.

Живопись, скульптуру и ювелирку прошли почти не разглядывая – не нашлось среди нас ценителей и специалистов.

Элитность едальни, особенно на фоне лютой дороговизны натуральных продуктов, подразумевала наше немедленное обнищание даже за понюхать меню, поэтому поведив носами тоже миновали не задерживаясь.

А вот пощупать оружие захотели многие. Ну, что тут сказать, дорохо-бохато, да нафиг надо. Например, дэлусский компактный, но мощный лазер, спрятанный в боевой наруч, встраиваемый прямо в бронескаф – штука несомненно полезная и для собственной безопасности нужная. Если бы не стоила, как половина линкора.

Или аграфский доспех из сверхпрочных композитных материалов и многослойных силовых полей – лёгкий, молоч-

но-белый с переходами в лазурь и перламутрово-бирюзовыми переливами включенных щитов, изящный, как всё аграфское, при этом способен сохранить жизнь носителя даже при прямом попадании средней плазменной турели. Фантастически красивая штука, больше напоминающая произведение искусства, чем высокотехнологичную броню. Но вот цена...

Восемь. Миллиардов. Кредитов. Цена крупного пустотного горно-обогательного завода с полным фаршем, инфраструктурой и обслуживающим флотом. Или армады боевых кораблей, включающей десяток линкоров и авианосцев.

Даже не знаю, адекватная это цена, или хозяин лавки надеется на случайного арабского шейха, ну или Галифатского принца, склонного к паранойе и имеющего сотню зубастых наследников.

Но как же хорош доспех! Валялись бы в кармане лишние восемь лярдов, купил бы даже чисто из любви к искусству, не говоря уже про заботу о собственной шкурке. Может на то и расчёт?

Торговец артефактами древних будто специально оказался в дальнем конце здания, чтобы дать нам прочувствовать атмосферу здешнего уровня эксклюзивности и финансов.

Типичный такой араб, даже чёрные волосы и борода в характерных кудряшках. Разве что обычная для европейцев белая кожа, да непонятный технологичный костюм немного выбивались из образа.

«Минматарец» - немедленно просветил меня Абагай, уга-

дав назревший у меня вопрос, - «от наших арабов мало чем отличаются. Народ космических торговцев, типа ашхамази, только люди. Чую, Фуркану тут не светит».

И почти угадал. После взаимных приветствий и обмена вежливостью, турок начал плавно переводить разговор к торговле, хозяин магазинчика его не менее плавно поддерживал, и всего минут через сорок на прилавок пошли первые наши артефакты.

Неторопливо поддерживая светскую беседу, торговец перебирал предметы, сканируя их прибором, который в технических базах знаний отсутствовал даже в отдалённо похожем виде, и раскладывал их по нескольким группам, пока никак это не комментируя.

Привыкший, видимо, только к азартной рыночной торговле, Фуркан демонстрировал некоторую растерянность и нетерпение, но никак не мог повлиять на ход событий. Араб виртуозно уклонялся от прямого торга и сглаживал углы, отказываясь замечать вербальные и невербальные сигналы оппонента.

Наконец, всё было показано, отсканировано и разложено по кучкам, но торг так и не начался. Наблюдая за этим необычным противостоянием с интересом, я всё же следил за временем, которого для второго запланированного дела оставалось всё меньше, поэтому в какой-то момент решил помочь растерявшемуся товарищу.

- Уважаемый, с вами чрезвычайно приятно беседовать и

при первой возможности мы непременно посетим ваше уютное заведение снова, если вы, конечно, не против, но запас времени, отведённого на это мероприятие, к моему великому сожалению стремительно иссякает. В связи с чем предлагаю всё-таки перейти непосредственно к обсуждению товаров и цен.

Хозяин магазина просверлил меня долгим изучающим взглядом, выражающим скорее всего любопытство, и, если мне не показалось, уважение. После чего убрал под прилавок неопознанный сканер и разразился извинениями.

- О, прошу простить мне мою болтливость, артефакты Древних в наших краях – явление довольно редкое, поэтому здесь нечасто бывают новые посетители, а тем более – приятные собеседники. Конечно, я не вправе отнимать более ваше драгоценное время, поэтому, приступим!

Он выдвинул в центр прилавка первую кучку, составляющую около трети предметов, и заговорил, обращаясь только ко мне.

- Вот это – откровенный мусор, который вы можете бросить вон в тот утилизатор, оставить себе на память или выкинуть в пустыне на обратном пути. Это обломки артефактов, либо современные кустарные поделки, их имитирующие. Ценность составляют лишь материалы, из которых это изготовлено, не более.

Кучка была отправлено подальше к краю, а на её место сдвинута новая, поменьше.

- Это несомненные артефакты, но крайне низкой ценности. Они многочисленны и поэтому не представляют интереса для коллекционеров, при этом не функционируют и восстановлению не подлежат. Могу за них дать не более десятка тысяч кредитов за штуку, и то – только из большого уважения к вам.

Эта группа предметов тоже уехала на край, и её тут же заменила следующая, буквально из полутора десятков вещей.

- Эти предметы мне интересны по разным причинам: некоторые имеют практическую ценность, некоторые художественную. Рабочие и сломанные, подлежащие ремонту и неподлежащие, но в среднем их цена не более трёхсот тысяч за штуку. А вот эта вещичка – механико-электронная головоломка, логический тренажёр Древних. Требуется некоторого ремонта. В целом – из этой же ценовой категории, но я готов дать двойную цену, так как давно ищу эту вещь для своей личной коллекции.

Партию с ценным коллекционным предметом он придвинул к себе, положив на её место четыре артефакта из предпоследней кучки.

- Тут вам невероятно повезло сразу по трём причинам. Во-первых, это составные части чрезвычайно редкого артефакта. Во-вторых, они все функционируют. И в-третьих, у меня давно пылится пятая, недостающая часть этого артефакта. Поэтому я готов дать вам максимально возможную сумму за эти предметы – четыреста миллионов кредитов, по

сто за каждый.

При этих словах парни возбуждённо загомонили, зашевелились, переглядываясь.

- Мне нравится градация озвучиваемых вами цен, - обратился я к отвлечшемуся на гомон минматарцу, - но что же вы в таком случае приготовили нам с последним предметом?

Тот, посмотрев на меня задумчиво, взял в руку оставшуюся вещь, похожую на тонкий металлический веретенообразный поплавок с очень тонким, едва заметным технологичным узором, и заговорил каким-то особо доверительным тоном.

- Этот артефакт несомненно жив, так как даёт отклик на сигнал сканера Древних, но я вижу такой впервые. Более того, он не фигурирует в тех базах, что есть у меня, а они, уж поверьте старому торговцу предметами Древних, весьма обширны. Ни его форма, ни отклик ничего не говорят о его функционале и назначении, поэтому даже отдалённых предположений о нём у меня нет. Это может быть невероятно дорогой и редкий артефакт, на выкуп которого не хватит денег на всём Базаре, а может быть просто доселе не попадавшая в руки исследователей и коллекционеров детская игрушка, не имеющая никакой ценности, кроме исторической. Так что я не могу вам назвать точной цены, но как человек не чуждый азарта, готов рискнуть пятьюдесятью миллионами и выкупить его у вас.

Торговец выжидающе уставился на меня, пытаюсь прочи-

тать что-то на лице, а мне вдруг совершенно расхотелось продавать этот «поплавок» даже за вдвое большую сумму. Это с чего бы такие выкрутасы сознания?

Видимо, удивление как-то не так отразилось на моей мимике, потому что коллекционер тут же решил повысить ставки, причём ровно до той цифры, о которой я только что подумал.

- Ну, хорошо, учитывая уникальность, увеличим вдвое. Как вам сумма в полмиллиарда за всё?

Теперь уже я вперился в тёмно-карие глаза визави, мучительно соображая, как бы ему отказать и не сорвать при этом сделку. Сумма-то гигантская, на порядок больше того, что мы коллективно предполагали в самых смелых фантазиях. Кажется, даже вспотел немного, но умный бронескаф своевременно всё провентилировал, не дав собеседнику возможности догадаться о моих внутренних метаниях.

- Прекрасная сумма, особенно, за опт. Но, учитывая, как вы говорите, уникальность, я тоже готов рискнуть сотней миллионов. Ведь если это окажется совсем не игрушка, а что-то намного более ценное, то цифра может оказаться минимум на порядок больше, ведь так?

- А то и на два порядка. – согласно закивал торговец, не показывая ни малейшего сожаления по поводу отказа. – Загадки Древних – это сфера больших денег и больших интересов. Скоропалительные решения здесь – это повышение риска проигрыша. Я бы на вашем месте тоже не стал торо-

питься с продажей, но на своём месте я должен был попробовать купить.

Тут он впервые очень искренне улыбнулся, как игрок, только что рискнувший по-крупному, при этом не выиграв, но и не проиграв.

Главврач «Рублёвки», высокий нордид с чопорностью британского лорда, и так встретил нас не очень радушно, а узнав, что мы припёрлись не за его услугами, а что-то там навязывать, едва не получил инфаркт морды, так его перекосило гримасой брезгливости.

Пришлось включить аналогичную чопорность и ледяным до якутского мороза голосом сообщить, что мы производим сверхэлитные ускорители для загрузки баз знаний, каких тут отродясь не бывало, но данное заведение, судя по всему, недостаточно элитное для нашей невероятно элитной продукции, и денег у местной бедноты на наш элитный эликсир явно не хватит. Поэтому пойдёте отсюда, джентльмены, пока подошвы бронескафов обо что-нибудь не запачкали.

Блондин вздёрнул сначала одну бровь, а под конец сентенции – вторую. А когда я развернулся, чтобы гордо удалиться, неуверенно попросил не спешить, ибо его не так поняли, съел что-то не то, любимый хомяк утром околел, тапки жмут, вот морда и кривится самопроизвольно.

Пришлось делать вид, будто скрепя сердце вхожу в положение бедняги, но осадочек остался, поэтому вместо меня будет говорить мой главный менеджер по торговле, а у моего

величества, уж извините, ещё векселя не подписаны и Роллс-Ройс не выгулян.

- Ну ты выдал, Глеб! – возбуждённо приплясывал вокруг Фуркан, - прямо как принц какой-нибудь! Я даже в кино такой убедительной актёрской игры давно не видел. Как ты его, а? Сказал бы ещё пару раз это своё «ЭЛИТНЫЙ», блондинчика бы точно парализовало.

Окончательно разобравшись со всеми продажами, которые были запланированы на этой планете, мы дружно топали в обиталище самой нищей прослойки местного населения – не то самостройный посёлок, не то обжитое кладбище кораблей.

Мимо уже начали попадаться относительно целые корпуса и отдельные блоки, как жилые, так и переделанные под жилые. Розовый песок под ногами пестрел мелким техногенным мусором, а попадавшиеся навстречу люди выглядели чуть лучше бомжей. «Чуть лучше» только потому, что неисправная кислородная маска или защитный комбинезон могли стоять здоровья, а то и жизни. Всё латаное-перелатаное, собранное из разных комплектов, а то и из разных кусков.

- Я как это твоё «у вас денег не хватит» услышал, меня сразу и прошибло: это ж можно чисто на дурачка такую цену загнуть, что аж самому от своей наглости поплохело. Ну, я и загнул...

- Сколько загнул-то? – не выдержал драматической паузы Шак – полностью лишённый какой-либо растительности бо-

евик из штурмовой группы, с челюстью в форме шлакоблока, суровый боец и мастер стрелковых дуэлей на лазерах, но при этом страстный фанат слезливых сериалов из галонета.

- Вы только не падайте...

- Ну? Рожай уже.

- По полмиллиона за картридж. Сторговались на трёхстах пятидесяти тысячах. Десяток пробных он забрал по двести, но дальше будет брать уже по полной цене.

Турок стоял посреди замусоренного перекрёстка, сияя как начищенный пятак сквозь прозрачное забрало счастливой улыбкой триумфатора, а вокруг него застыла в недоумении вся остальная группа.

- Ты вот это сейчас не пошутил? – спросил кто-то из группы.

- Шестое поколение в базарный день тысяч по пять максимум. – дополнил другой.

- Ну так разгонники двенадцатого поколения в центральных мирах как раз по поляма идут, как я слышал. А наши, Проф говорил, вроде как не сильно хуже. – прояснил картину Шак.

- Я таких подробностей не знаю, - ответил Фуркан, - просто ляпнул от балды, а он возьми, да и начни торговаться. Ну что мне, извиняться что ли, дескать, пошутил? Он же всех выбесил своей этой мордой брезгливой? Ну, вот, думаю, ты мне за это и заплатишь с процентами. Фашист, наверное, этот блондинчик.

- Ты его уши видел? – подключился уже я.
- В смысле? Причём тут уши? – не понял турок.
- Заострённые у него уши.
- Думаешь, аграф? Это бы объяснило его снобизм и эту, как её... - Миша, вступивший в беседу, замялся, вспоминая слово.
- Чопорность? – помог я.
- Во, её самую.
- Не, точно не аграф, хотя и похож. Те повыше, потоньше и уши подлиннее. – добавил ясности Шак.
- Так может полукровка?
- Вот это скорее всего. И натура гадская от аграфов досталась.
- Хорошо, что не прагматизм, иначе хрен бы он на мой театр повёлся. – я закончил с обсуждением доктора, при этом подумав, что раньше за мной таких актёрских талантов не водилось, и повернулся к нашему торговому представителю,
- Фуркан, выношу тебе официальную благодарность от лица командования диаспоры землян в Содружестве за отличное проведение двух торговых операций на благо диаспоры. Ура, товарищи!
- Ура! Ура! Ура! – гаркнули мы вдвоём с Мишкой, после чего по очереди торжественно пожали руку обалдевшему виновнику торжества, и дружно взоржали, глядя на степень охреневания на лицах инопланетян.
- Дяденьки!

Всё ещё хихикая, не сразу заметил ребёнка, скромно стоящего метрах в трёх от нашей группы.

- Дяденьки! – повторил ребёнок непонятного под многократно залатанной кислородной маской пола. - Купите артефакт Древних.

- Ну, иди сюда, показывай свой артефакт, - позвал я, не столько рассчитывая увидеть настоящую древность в этих инопланетных фавелах, сколько пытаясь разглядеть ребёнка. С тех пор, как свои родились, стал как-то особо трепетно к детям относиться, произвольно примеряя страдания и невзгоды чужих детей на своих родных.

Детёныш сделал два осторожных шага и остановился, даже не пытаясь ничего продемонстрировать. Но не успел я удивиться странному поведению, как на нейросеть пришло сообщение с файлом. Открыв его, увидел нечто вроде тридэ модели, которую можно разглядеть со всех сторон. Модель представляла собой обычную земную гайку примерно на шестнадцать, ну, может с чуть меньшим отверстием.

Хотел было уже саркастически хмыкнуть над попыткой выдать банальный крепёж за артефакт, но внезапно выяснил, что резьба в этой гайке не предусмотрена, а вместо неё по внутренней стороне отверстия плавает перламутровая дымка силового поля. И главное – тончайший геометрический узор очень напоминал тот, что совсем недавно был виден на «поплавке».

Хмыкать резко перехотелось, а перевалившее далеко за

полдень светило наконец проявило мне личность мальчика. Белобрысый пацан лет восьми-девяти, чумазый, сероглазый, с курносым веснушчатым носом.

Внутри что-то сжалось, горло сдавило. Мой Ванька в этом возрасте сошёл бы этому пацану если не за родного, то за двоюродного брата. Не то, чтобы прямо чертами лица сильно похож, скорее образ в целом.

Сразу как-то всё скопом накатило. Дети там, дома, давно нас с матерью похоронили, наверное. Лида вообще хрен знает где, а я до сих пор только собираюсь начать поиски. Как там старики наши? Все ли живы? Исчезновение Лиды их сильно подкосило, а потом ещё и я пропал... Надеюсь, Иван всё-таки найдёт способ их успокоить, парень вырос умный, сообразительный, и мне вроде бы поверил при последнем разговоре.

- Сколько хочешь за артефакт? – я постарался говорить максимально нейтрально, но то ли голос оказался слишком сиплый, то ли ещё что-то насторожило пацана - он тут же сделал два шага обратно и уже оттуда, с расстояния, которое показалось ему безопасным, ответил:

- Ну, это, пять тыщ кредитов.

Кажется, он при этом сам обалдел от собственной наглости, поэтому сделал ещё шагок назад. А я подумал, что для местной голытьбы пять тысяч – сумма немалая, тем более для ребёнка.

- Согласен. Беру. Где предмет?

- Ну, это, у мамы Мэл. Идите за мной.

Мальчишка отошёл ещё на пару шагов, убедился, что мы двинулись за ним и только после этого побежал, то и дело останавливаясь и дожидаясь неторопливых взрослых.

Ближе к дальней окраине тущоб маленький продавец артефактов остановился у шлюза большого жилого блока с огромным обзорным иллюминатором вместо крыши. К нашему подходу шлюз был уже гостеприимно распахнут и малец ждал внутри. Набиваться внутрь маленькой «прихожей» всем табуном в незнакомом месте на чужой планете даже мне, человеку сугубо гражданскому, показалось неоправданным риском. Поэтому половина штурмовой группы, прикидываясь ленивыми туристами, рассредоточилась в радиусе полутора десятков метров, а мы пошли навстречу с мамой Мэл.

Долгое шлюзование уже начало напрягать, когда створки, наконец, разъехались. Хотя, чего я хочу по сути от металлолома? В конце короткого коридора снова пришлось остановиться. Ещё один шлюз? А, нет, просто двери.

За дверьми открылся большой зал, полностью заставленный высокими рядками со всевозможной зеленью. Среди рядок, неодобрительно глядя на пацана, стояла приятной внешности блондинка лет под шестьдесят, в скором времени обещающая превратиться в классическую добрую бабушку.

- Мама Мэл, я покупателей на артефакт привёл! – донельзя довольный собой заявил наш провожатый.

- Опять... - укоризненно вздохнула женщина, стянув перчатки и складывая их в карман фартука.

- Вы уж простите мальчонку, он мечтает продать эту штучковину за кучу денег, чтобы купить мне сеанс лечения в медблоке под куполом. У нас здесь только первого и второго поколения медкапсулы, а там аж шестого. Так ведь всё равно денег не хватит – там всё так дорого...

Мама Мэл подошла к нам вплотную и протянула мне, как впереди стоящему, руку:

- Мелисса Стронгхолд, штат Небраска, Соединённые Штаты Америки, планета Земля. Выращиваю тут вот всякое и присматриваю за двумя дюжинами таких вот сорванцов. Поэтому – мама Мэл.

Ага, вот и первая землянка попалась. Не знаю, как она будет в качестве работника на «Колонизаторе», но человек вроде хороший. Нельзя её тут бросать.

- Глеб Неверов, Алтайский край, Россия, Земля. – я пожал её немного пухловатую мягкую руку, сняв бронеперчатку, и отметил, что рукопожатие у мадам довольно крепкое. – руковожу, так сказать, местной общиной землян. Нас пока немного, но мы активно развиваемся.

- Общиной землян? – дрожащим голосом повторила мама Мэл, глядя на меня стремительно наполняющимися влагой голубыми глазами.

Ноги её вдруг подкосились, заставив осесть на пол. Абагай отреагировал быстрее меня, подхватив женщину под ле-

вую руку, а я спустя секунду подстроился под правую. Подняли, огляделись в поисках мебели. Да хрен там плавал – одни грядки с узкими металлопластовыми бортиками из внутренней корабельной обшивки.

Пришлось потрясти за плечо паникующего ребёнка, причитающего «мама, мама, что с тобой?», объяснить, что она просто разволновалась и нужен стул, чтобы её посадить. Конкретика и спокойный уверенный тон тут же придали парню вектор и ускорение, поэтому через пару минут хозяйка огорода сидела на потёртом до дыр, но всё ещё удобном пилотском кресле, приделанном на колёсную платформу от какого-то грузового дроида.

Небольшая каюта, переделанная под кухню, или скорее камбуз, учитывая, что дом был когда-то частью корабля, оказалась весьма уютно обставленной даже по земным меркам, даже несмотря на грубо врезанный в переборку монструозного вида древний пищевой синтезатор.

Представив, какую силосно-целлюлозную биомассу выдаёт это угрибище, мне до слёз стало жалко эту бедную женщину, судя по всему, много лет вынужденную питаться только этим.

- После колледжа я три года проработала в школе неблагополучного района Линкольна. Чего только не насмотрелась. Дети под наркотой, перестрелки и поножовщина прямо в школьном дворе, беременные старшеклассницы. Я даже по ящику за всю жизнь столько раз полицию не видела, сколько

за эти годы.

Мелисса уже успокоилась, расспросила нас о многом, хотела ещё о большем, но мы пообещали, что теперь на это будет куча времени и возможностей, и рассказывала свою историю.

- А тут отец позвонил, сказал, что в моей родной школе освободилось место учителя английского. Еле дождалась окончания срока договора, собрала чемоданы и рванула через весь штат домой. Миль за сорок до Уитмена машина заглохла и отказалась заводиться. Только представьте: ночь, вокруг пустынные поля, ни одной машины на горизонте, а я стою с фонариком перед открытым капотом как дура, будто что-то там понимаю. И вдруг над головой загорается белый свет, прямо как в тех фильмах про похищения пришельцами.

Женщина вздохнула, но скорее устало, чем тяжело. Видимо, эмоции поистёрлись за давностью лет. Потеребила в руках привычного земного вида застиранный носовой платочек и продолжила.

- В себя пришла уже на пиратском рынке рабов. Повезло, что не установили рабскую нейросеть. Продать меня собирались... как женщину... ну, вы понимаете. Но снова повезло. Меня купил господин Траант – один из местных хозяев, но всего лишь как гувернантку для своей дочери. Девочка оказалась очень избалованной и с не самым простым характером. Благо, мой опыт работы в школе помог продержаться

одиннадцать лет. Конечно, сначала было очень тяжело – всё незнакомое, непривычное, да ещё капризы юной мисс. Но со временем мне удалось найти с ней если не общий язык, то хотя бы компромиссное сосуществование. Видя, как живут люди за пределами купола, я даже испытывала некую радость от того, что живу относительно благополучно – вкусно ем, хорошо одеваюсь, не экономлю воздух и воду.

- Как же вы оказались здесь? – поинтересовался Фуркан.

- Да очень просто. Девочка выросла и улетела покорять центральные миры, а я стала не нужна. Господин Траант – очень жёсткий человек, даже жестокий. Но к его чести должна сказать, что он не перепродал меня и даже не выгнал за ворота без гроша, а снабдил деньгами, документами и даже оставил нейросеть со всеми накопленными базами. Я бы смогла добраться даже до империи Аратан – говорят, там принимают и трудоустраивают бывших рабов, дают гражданство и подъёмные деньги. Если бы я была мужчиной, да даже просто посмелее, то отправилась бы туда. Но было так страшно покидать уже привычные места, да и здесь, в посёлке я уже многих знала – покупала тут зелень, передавала кое-какие нужные мелочи. В общем, решила остаться.

Мэл ещё немало рассказала о том, как привыкала к постоянному дефициту воды и воздуха, как вспоминала фермерские навыки, сначала помогая, а затем и приняв на себя обязанности бывшего негласного старейшины, по крупницам собиравшего семена и саженцы, плодородную почву и воду

для полива.

Так как большая железная теплица помимо снабжения едой и витаминами генерировала ещё и кислород, то любой бедолага, оставшийся без регенератора, мог прийти сюда жить до тех пор, пока община не найдёт новый или не починит старый.

Община жила не то чтобы очень дружно, люди-то здесь очень разные, и большинство либо уже опустило руки, либо попало сюда из-за собственной лени или глупости, но помогать друг другу всё равно старались, ибо даже самые бестолковые понимали, что порознь мучительная смерть гарантирована всем.

Тем не менее, нищета и безысходность нередко толкали местных на радикальные меры – криминал, суицид, побег с планеты «зайцем», грозящий множеством опасностей – от смерти в отрубленном от системы жизнеобеспечения трюме до депортации в открытый космос по приказу разгневанного капитана. И после этого иногда оставались сироты.

Мелисса всегда любила детей, с юности мечтала стать матерью, но сначала учёба – отец накопил ей на колледж, желая любимой дочери лучшей судьбы, потом работа в школе, рабство и выживание на задворках цивилизации. Однажды осознав, что время безвозвратно ушло, Мэл поплакала над несбывшейся мечтой и переключила всё своё внимание на приёмышей, которые нуждались в маме не меньше, чем она в детях.

- Мэл, а вы слышали о процедуре омоложения? – спросил я, немного подумав над её исповедью и вспомнив кое-что из бесед с Иванычем.

- Да кто ж тут о ней не слышал, - горько усмехнулась хозяйка, - несбыточная мечта всех престарелых неудачников.

- Ну, почему же несбыточная... - я изобразил на лице некоторую загадочность.

- Потому что даже под куполом её не проводят – нет нужной капсулы, препаратов и специалистов. А где они есть, там за процедуру берут столько, сколько мне за тысячу лет не заработать.

- А что если я вам скажу, что наш доктор уже работает над воссозданием этой процедуры у нас на базе? – добавив ещё больше загадочности, ибо собеседница её в упор не замечала, выдал я страшную тайну, - И для своих она будет совершенно бесплатна. Ну, кто работает на наше общее благо, естественно.

И вот тут её наконец проняло. Видимо, перспектива снова оказаться среди землян не так её взволновала, как вероятность осуществить-таки мечту о материнстве. Но вот взволнованность вновь сменилась озабоченностью.

- А детей я могу с собой забрать? Они мне как родные стали, не могу я их тут бросить.

- Я вам больше скажу: мы не только детей с собой возьмём, но и пригласим всех желающих поработать. Но уже с определёнными условиями.

- Что за условия? – услышав, что дети останутся с ней, Мелисса успокоилась и в ней проснулся глава общины.

- Условия очень простые. Во-первых – строгая секретность: никто из них не будет знать куда летит и где работает. Во-вторых, строгая дисциплина и выполнение своих обязанностей. За нарушение этих правил – увольнение без выходного пособия. То есть вернём обратно в тех же драных штанах.

Что-то я слишком диктаторским тоном заговорил, вон как мисс Стронгхолд напряглась. Ладно, теперь выдадим плюшки.

- Платить будем немного – по средним во Фронтире зарплатам для техников и других специалистов. Но! Каждому будет установлена экспериментальная нейросеть не ниже шестого поколения, которая останется в качестве премии, со всеми установленными базами. Либо, по желанию, после окончания контракта можем заменить её на стандартную аналогичного поколения. Так же возможна установка ряда имплантов, которые тоже останутся у носителя. По окончании контракта работники смогут выбрать: либо мы возвращаем их во Фронтир на тех же условиях секретности, либо они принимают земное гражданство и летят с нами на Землю.

Как-то мы не подумали, что наши нейросети для уволенных работников могут принести больше проблем, чем пользы, а сполотские базы вне Колонизатора окажутся для них

просто бесполезны. Но это уже не так важно, мы теперь можем предложить им адекватную альтернативу.

- Слишком щедро, - внезапно выдала Мэл, - это кажется подозрительным даже для меня. А местные, не видевшие от жизни ничего, кроме подзатыльников, это воспримут как ловушку. Что у вас за работа такая, что вы готовы раздавать нейросети шестого поколения?

- Работа у нас простая – производство малых кораблей и комплектующих, дроидов, оружия, медицинских препаратов и многого другого. Проблема в том, что мы по некоторым позициям создаём конкуренцию монополистам в Содружестве, поэтому вынуждены соблюдать секретность.

- Это ещё хуже – люди решат, что по окончании работы вы их просто утилизируете.

- Да что ж вы тут такие недоверчивые-то? – меня начали раздражать эти танцы с бубном. – Хотите сказать, что если мы им предложим в качестве оплаты сотню кредитов, миску риса и пинок под зад, то они согласятся?

- Вот это уже ближе к реальности, - засмеялась мама Мэл, - но давайте лучше я сама с ними поговорю, а вы только кивайте, тогда толку будет больше.

Мне оставалось только поднять руки в жесте «сдаюсь».

Хозяйка выбралась из кресла, поставив тяжёлую железную кружку на стол, и проходя мимо меня заговорщицким тоном сообщила:

- Никогда не думала, что буду так радоваться, если за мной

придут русские.

- Предрассудки времён «холодной войны»? – спросил я у спины, выходя из кухни следом.

- У отца были. Он так боялся войны с советами, что вырыл бункер под амбаром, сложил там запас консервированных бобов, пару винтовок с патронами и библию. Только забыл как следует укрепить, поэтому в одно дождливое лето бункер провалился вместе с амбаром, трактором и запасом кормов для скотины. А мы с сёстрами запомнили, что русские комми опасны и их нужно бояться. Правда, потом ваш президент решил с нами дружить, открыл границы, начал разоружение и всё такое, а затем и Союз распался. Но папа всё равно вам не доверял. Думаю, чисто по привычке.

- Санни, деточка, - над грядкой тут же возникла русоволодая макушка, затем два испуганных глаза под нестриженной чёлкой и быстро движущиеся кончики ушей, выдающих активное жевание, - позови ребят и бегите, оповестите людей, что я жду всех здесь, возле мэрии, через полчаса. Скажу что-то очень важное.

Даже спрашивать не стал – почему бы не оповестить всех через нейросеть. Наверняка у большинства её просто нет. Как и ретранслятора, чтобы общаться можно было дальше прямой видимости. У пацана, вон, коммуникатор, какими обходятся дети, у которых ещё не завершилось формирование мозга, или взрослые, у кого нет денег на нейросеть, к гадалке не ходи – самый здесь популярный прибор.

- Ага, бегу, мам! – невнятно пробубнило чадо, срываясь в добротный аллюр и на ходу заталкивая грязным пальцем в рот какую-то петрушку.

- Сколько можно говорить – не рвите с грядки, всё равно ведь на ужин в тарелке будет, - крикнула Мелисса вслед сверкающим пяткам.

- Мне даже сейчас с грядки вкуснее, а уж в его-то возрасте... - поддержал я пацана заочно.

- Ну ещё бы! – добродушно хмыкнула женщина, и тут же посерьёзнела, - в их жизни всей той зелени – этот огород, да рай под куполом, на который они только издалека посмотреть могут, бедняжки.

Странное складывается ощущение от толпы в скафандрах при отключенной общей связи. Динамики передают топот, шуршание, скрежет, множество других звуков, но ни единого голоса, дыхания, кашля и прочих признаков живого человека. Зато если связь включить...

Вот зачем мне звуки чьего-то кишечника? А они есть и отчётливо пробиваются сквозь множество голосов. Как и прочие гадостные фоны. Кто-то даже немелодично храпит, видимо, вон та фигура, скрючившаяся под стенкой и уронившая голову на скрещенные руки.

Что-то я уже не очень уверен, что нам нужны такие работники.

- Дамы и господа! – голос Мелиссы выдал характерные ли-

дерские обертона, наводя на мысль, что мэром она тут стала отнюдь не случайно.

- Дамы и господа, вы все знаете меня и мою историю, - толпа согласно забубнила, закивала и выразила согласие ещё множеством разных способов, - все вы помните, что я всегда искала земляков – людей с моей родной планеты. И вот сегодня они нашли меня.

Тут уже жители трущоб разразились бурной радостью за своего лидера.

- Мне предложили улететь с ними, как и всем сиротам, за которыми я присматриваю, - тут уже начался гул недоумения и даже возмущения, - но я, как ваш мэр, не могу бросить вас тут на произвол судьбы, поэтому мне пришлось договариваться со своими новыми друзьями о том, чтобы помочь вам всем, чем только возможно.

Люди, уже запутавшиеся в резких переходах от плохих новостей к хорошим и обратно, притихли и стали молча ждать развития событий.

- У моих друзей, - Мелисса обернулась на нашу группу у себя за спиной, - есть производство, на котором требуются рабочие, не задающие лишних вопросов и потом не болтающие с кем попало о своей работе и работодателе.

- И которых после окончания контракта можно без опаски выкинуть в космос. – заключил кто-то из толпы.

- Вот для этого, Тхаг, я и выступлю гарантом вашей безопасности и оплаты по окончании работ.

Ай да Мелисса свет Батьковна! И чего ж тебя в школу-то понесло? Смело могла бы баллотироваться в мэры родного городка, а то и в губернаторы. И перед электоратом своим уже почти героиня, и нам вроде как одолжение сделала. Талант, не иначе.

- Я вам даже проще скажу, - пришлось влезть уже мне, чтобы сократить дальнейшие метания и показать, что они в нас нуждаются больше, чем мы в них, - если бы мы планировали устранить работников после, так сказать, увольнения, то дешевле было бы купить рабов. Да и гарантий гораздо больше: ни работорговцы вопросов не зададут, ни работники дисциплину не нарушат. А вас мы согласились принять на работу только по просьбе Мэл.

Народ завозился, начали что-то обсуждать между собой, спорить. Но тут же нашлись желающие узнать подробности.

- А чего платят?

- Условия какие?

- А у нас дети. Как с ними быть?

- Платят пятьсот кредитов за три месяца. Условия – койка, мойка, спецодежда, еда, вода, воздух. С вашими детьми я и так постоянно вожусь.

- Еда, вода, воздух – без ограничений, - добавил я, - так же, посещение медкапсулы, и, при идеальной дисциплине с ударным трудом – нейросеть по окончании контракта.

Толпа зашумела, проявляя в равной мере как восторг, так и сомнения. Мэл при этом глянула на меня столь укоризнен-

но, будто я сделку века сорвал. Пришлось срочно вносить поправки.

- Губу не раскатывайте, нейросети первого-второго поколения. Мы их на кладбище кучу насобирали, так что нам это ничего не будет стоить, а вам – хороший стимул не нарушать беспорядки и вкалывать на наше благо.

Кажется, это оказался главный козырь. Когда работодатель в качестве бонуса предлагает мусорный для себя, но ценный для работника ресурс – это вполне понятно и привычно для собравшейся перед нами аудитории, а значит - вызывает доверие.

Дальнейшее обсуждение рабочих вопросов прошло буднично. Набралось аж три четверти населения желающих поработать, без малого – шестьсот человек, к которым в нагрузку приходилось более полусотни детей. Немало. Но и далеко не полный штат, нужный нам для всех хотелок.

Дав указание – готовиться к прибытию транспорта через две недели, двинули к посадочной площадке. Краем сознания отмечая, что следы от бронескафов товарищей на утоптанном розовом песке неуловимо напоминают знаменитое на Земле фото, где «маленький шаг для человека, но огромный для человечества», вспомнил, что столь дефицитный для местных воздух эти две недели может быть чуть менее дефицитным. Детям очень важно полноценное дыхание для нормального развития, а мы в этом можем помочь.

Насколько я помню, на каждом нашем корабле минимум

три запасных регенератора, да ещё сколько-то оставляли для оснащения ещё не купленного грузовоза. Так что десяток смело можем оставить без риска для себя, а тут люди смогут вздохнуть с облегчением. Причём – в прямом смысле. Десяток самых больших корпусов-общежитий – это как бы не треть всего населения.

Думая о том, что самых нуждающихся неплохо бы прогнать через наши медотсеки, обратил внимание, что розовый песок начал становиться сиреневым. Ох ты ж... а закаты тут такие, что только ради них можно экскурсии с Земли возить.

Чернота звёздного неба за спиной плавно переходит в густо-фиолетовый, постепенно светлеющий до лавандового, затем еле заметная голубая полоса, тут же переходящая в отчётливый изумрудно-зелёный. Вот на этом изумруде я немного завис – очень уж необычный цвет для неба.

Едва не наступил на пятки впереди идущему, поэтому отвлёкся и бросил взгляд вперёд – на вполне обычное, хоть и с преобладанием бордового, зарево заката. Край светила от глаз закрывал какой-то прыщ на крыше одного из крайних жилищ. В принципе, разнообразие форм обломков и блоков было такое, что чего только из них не торчало в разные стороны. И можно было бы плюнуть и тут же забыть, но прыщ слегка шевельнулся.

А вот это уже необычно. Это уже настораживает.

- Ребят, здание прямо по курсу на солнце, на крыше кто-то есть. – выдал я по внутренней связи не совсем корректно,

зато кратко и по сути, не сбавляя шага и не вертя головой, хотя очень вдруг захотелось оглядеться – не сидит ли кто за ближайшим углом?

- Подтверждаю, на крыше стрелок, предположительно – с плазмой. – подал голос идущий сзади Шак.

- Щиты. В круг. – скомандовал Кергилов, это ему я чуть пятку не отдал, немедленно выполняя собственную команду и сдёргивая с креплений на спине собственный... наверное, плазмоган. Не успел я ещё в местной стрелковке толком разобраться.

Образованный круг мгновенно заиграл призрачным перламутром пересекающихся силовых щитов, а бойцы ошестинились стволами. Даже штатный медик абордажников, оставшийся с нами в центре круга, как условный нонкомбатант. И только мы с Фурканом затупили на несколько секунд.

Вот вроде не раз отрабатывали на тренировках, а как дошло до реального применения навыков, судорожно вспоминаешь – где в интерфейсе кнопка щита, и как правильно отстёгивать магнитный захват оружия.

Верно говорят мудрые люди: в экстренной ситуации не поднимаешься до уровня своих ожиданий, а падаешь до уровня реальной подготовки. Вот и мы с турком протупили с оружием и щитами, затем бестолково вертели стволами, выбирая сектора, чтобы не тыкать в спины своих, потом, толкаясь и мешая друг другу, двинулись вместе с кругом к ближайшей стенке, чтобы не торчать на простреливаемом со

всех сторон пятаке.

И когда стенка, наконец, была достигнута, в нас начали стрелять. Тот самый стрелок на крыше проснулся или получил команду на открытие огня, в общем, выпустил заряд плазмы в ближайшего к стене бойца. Мощный, надо сказать, заряд. Щит абордажника, ярко вспыхнув при встрече с плазмой, мгновенно потух, а в сети прозвучал возглас «Погас!», после чего его сосед сдвинулся влево, заслоняя оставшегося без защиты.

Надо сказать – вовремя. Стоило силовому барьеру погаснуть, как в образовавшуюся брешь полетело всё, чем были вооружены нападавшие. Тактическая подсветка шлема дорисовала даже невидимые лучи лазеров, но боец отделался только несколькими подпалинами на броне.

Будь я в цепочке обороняющихся, наверное, ещё реагировал бы на каждую локальную угрозу, но так как я бездельничал внутри круга, то несколько десятков секунд боя, участвовать в котором мне не удалось, дали возможность собрать мысли в кучу и начать думать.

Так, вокруг спины товарищей и силовые щиты. За угол отойти не удалось – оттуда тоже кто-то шмаляет. С одной стороны стена, а с трёх оставшихся лупят из укрытий неизвестные гондурасы. На забрале их местоположение подсвечивается, но глазами не вижу, так как вокруг плотно засели свои.

А, нет, одного вижу – того самого, на крыше. Ближние

его не видят – бортик закрывает, а дальние, получая раз в несколько секунд по мощному заряду, не могут бросить свои сектора. Ну, вот, теперь и я при деле!

На сборах в экспедицию, я собирался вооружиться плазмомётом, который затрофеил в первый же день на борту пиратского корвета, но Александр Первый посоветовал ручной рельсотрон – что-то вроде известной по компьютерным играм гаусс-пушки, только более компактный и технологичный ствол, и совершенно не похожий внешне.

- Нафига тебе эта базука? Тебя всё равно на штурм никто не пустит – оставят в тылу, оттуда и будешь пулять далеко и метко. – резонно заметил Саня, - а дури у этой рельсы на дальние дистанции куда как поболее, чем у плазмы и всего прочего. Ещё и снаряд металлический, а не энергетический – индивидуальные щиты его намного хуже держат.

Вражина заметил, что я выставил ствол в его сторону, и в ответ перевёл прицел на меня. Вот только у него как раз был откат после предыдущего выстрела, а у меня полный заряд и полный магазин.

Рельсотрон свистнул накопителями, не показав даже намёка на отдачу, а шишка вражеского шлема дёрнулась от попадания. Ага, не угандошил, но щит пробил, отползает, собака!

Оранжевый отсвет под правым глазом сменился на голубой – н-н-на тебе ещё пилюльку! Выпуклый силуэт на фоне стремительно наливающегося сливовым фиолетом неба дёр-

нулся ещё раз, а тактический дисплей погасил красную точку на миникарте. Удобно, блин. Ну точно, как в игре.

- Снайпер на крыше минус. – отчитался и я в гомоне групповой сети.

- О-о-о, живём!

- Красава, Команданте! – похоже, Миша подхватил услышанный от Эдика не то эпитет, не то позывной. А что, товарища Че уважаю, ничего против не имею. Да будет так.

- Дайте цель для рельсы, - скомандовал я, увидев, что перестрелка затягивается, так как у нас щиты намного мощнее, но мы почти в чистом поле, а враги все за укрытиями, так что за исключением моего крестника и ещё двоих невезучих, остальные вполне неплохо себя чувствуют, получая совсем ослабленные заряды на свои щиты, - в порядке убывания опасности.

Одна из красных меток тут же запульсировала и получила маркер «№1». Поворачиваюсь на метку, командуя:

- Присели!

Трое бойцов передо мной падают на одно колено, не прекращая молотить по и без того многострадальным жилищам местной бедноты, а я быстро выцеливаю торчащий колпачок шлема с чернеющей впереди трубой ещё одного плазмогана.

Этот гаснет с первого попадания. Видимо, щит ему просадили ещё до меня. Вторая цель. Третья. Пятая. У нас все ещё в строю, несмотря на некоторые проблемы, а у нападающих уже минус семь.

В принципе, мы уже можем отойти в укрытие или пойти в атаку сами, но понёсшие потери злодеи не дали нам сделать этот выбор.

Сообщив, что я пустой, отошёл к стене и потянул из крепления шлейф для сопряжения оружия с энергосистемой скафандра, как перед забралом промелькнули мелкие камешки с песчаной осыпью. Задираю голову и вижу, что на меня летят чьи-то бронированные пятки.

Успев присесть и начать заваливаться на бок, рефлексивно выставляю перед собой разряженный ствол, который вдруг укорачивается на пяток сантиметров, а бронированный ниндзя замахивается второй рукой с зажатым в ней чем-то режущим или рубящим, сходу и не понять, собираясь укоротить уже меня.

Пиная его в ближнюю ногу, но не роняю, как ожидал, а отталкиваюсь сам, как от столба, и отъезжаю на добрый метр, а в том месте, где мгновением раньше была моя голова, в стену глубоко врубается некое технологичное мачете, напрочь игнорирующее не только силовые щиты, но и навороченные оружейные сплавы.

Сам не понял, как и когда активировал лазерный резак, позаимствованный из запасов запчастей для ремонтных дроидов и вмонтированный в правый наруч скафа, но едва сообразил, что адское пыряло застряло в стене – рубанул по держащей его руке. Полностью не отсёк, несмотря на все мои модернизации и усиления мощности, так как бронескафандр

врага тоже отнюдь не из фольги, но характерная струя пара из глубокого разреза дала знать, что цель таки достигнута.

На секунду охреневший ниндзя с удивлением посмотрел на отказавшуюся повиноваться конечность и тут же вернул должок, отмахнув мне вторым пырлялом левую кисть вместе с излучателем лазера.

Тут уже я завис, медитируя на быстро иссякающую струйку крови из обрубка. И провтыкал бы собственную голову, но оповещённые истерящим в эфире Фурканом абордажники развернулись и в доли секунды перемолотили прыгуна в мясное рагу.

Едва продрав глаза, уставился на совершенно целую мою, но какую-то не совсем мою руку. Вроде всё то же, но ни единого шрама из более чем двух десятков, полученных за долгие годы работы с различными инструментами. И никакого загара.

Особенно в детстве и юности неопытная десница оставляла на многострадальной шуйце памятные зарубки – о неосторожном обращении с лезвием бритвы при срезании облоя с пластмассового солдатика, почему-то не срезанного на производстве. О неправильном хвате отрезка силового кабеля, вскрываемого стыренным с кухни ножом. О заляпанной собственной кровью недоструганной палке, долженствующей стать мечом, о натянутой тонкой проволоке, которая тоже, оказывается, умеет резать... много о чём.

И теперь этого всего нет. Девственно чистая, и даже какая-то нежная кожа потомственного работника умственного труда, или пианиста. В общем, кого угодно, но не меня.

Задумчивый, вылез из медкапсулы, оделся в заботливо оставленный у изголовья новый комбез и потопал в кают-компанию, встретившую меня запахом жареного мяса и неторопливыми разговорами.

- О, Глеб! Налетай, только на тебя осталось. И вот это ещё попробуй, не пиво, конечно, но хоть такое нашлось. – Сания-студент подвинул к моему привычному месту за столом тарелку с мясом и булькнувшую металлическую посудину.

Напиток напоминал скорее квас на травах, да и то очень отдалённо, и крепости примерно такой же. Голод после медкапсулы отсутствовал напрочь, но после затяжной диеты на местной синтезированной эрзац-еде от мяса отказаться было совершенно невозможно. Когда ещё так повезёт?

Помимо Сани в помещении обнаружился медик, возлежащий под фикусом. То ли спит, то ли на растишку медитирует.

- А скажи-ка мне, любезный, - имя медика я даже не пытался вспомнить, несмотря на улучшенную нейросетью память, видимо, уже просто привычка, - мою родную руку мне пришить нельзя было?

Тот разлепил один глаз, убедившись, что обращаюсь к нему, разлепил второй, затем сел.

- Видишь ли, командир, боевой скафандр заращивает

пробой за несколько секунд – сначала заливает рану биогелем, а затем пробой – герметиком. У перчатки же своей энергосистемы нет, поэтому пока бандитов добили, пока трофеи собрали, пока дотащили тебя до бота, отрубленная рука уже дегидрировалась, ну, то есть много влаги потеряла, а заодно была повреждена радиацией и агрессивными химическими веществами. Не зря же там все в пустотниках ходят – не самая дружелюбная атмосфера на планете. Хотя и не самая адская, бывает и хуже.

- Жаль. – только и оставалось мне посетовать, - Ну, не получилось и ладно, новая тоже ничего.

- А плазмача ты с крыши чётко снял. Если бы не ты, нас бы рано или поздно подловили и размотали. Мы же все с энергетическим оружием, как всегда, один ты с кинетикой.

- А ещё нам повезло, что он как дурак прямо на фоне ясного неба залёг, иначе хрен бы я его увидел.

- Дык, у нас-то тоже опыта боёв на планетах нет, - смущённо повинился медик, - если бы не Абагай, мы бы тоже косяков упорили.

- Всё хорошо, что хорошо кончается, - резюмировал я и обратился уже к обоим присутствующим, - так что там дела наши скорбные на данный момент? Что было после того, как меня в капсулу положили?

- Первым делом обшмонали бот злодеев. – начал рассказывать Саня, - Я на их корыто сразу внимание обратил, как они сели. Вроде бот и бот, тут десяток таких стоит. Только

вышел из него вооружённый отряд и двинул в посёлок. Спокойно так, деловито. Ладно, думаю, мало ли, какие у них тут дела. А когда от вас сигнал о нападении пришёл, я первым делом ЭМИ-пушку приготовил, и не зря. Смотрю – бегут пятеро, один подраненный, ствол где-то потерял. Загрузились и давай двигло запускать. Ну, я и жахнул по ним половинной мощностью, чтобы не только не взлетели, но и сигнал на орбиту подать не смогли.

- Шестерых вытащили, с пилотом, - продолжил медик, - скалятся, типа, «мозги промывать будете?» Абагай на это посмотрел и говорит: «А болт вам во всё хлебало, у нас свои методы». В общем, отправил меня капсулы готовить, чтобы чувствительность и эмоциональную нестабильность им по-высить. Я их через химию прогнал, а старшой выбрал самого борзого и давай его резать на глазах у остальных. Медленно так, вдумчиво. Тот орёт, а эти потеют и тоже орут. Десяти минут хватило, чтобы выложили всё.

- Да, Михан могёт. – подтвердил Саня, уважительно кивая в такт словам, - Меня экспресс-допросу обучали, но вот чтоб живьём - видел впервые. Страшновато. Ну, короче, мы потом их корабль захватили – ведро ведром, даром что боевой фрегат. Второе поколение, арварский, разве что на металлолом сдать. Оружие поснимали, да так, по мелочи всякого, и приземлили рядом с посёлком – в качестве компенсации за погром. А тут припёрлись эсбэшники базарные, типа «чё это вы, уважаемые, сотрудников тираните?» Мы им

записи с нейросетей и толпу свидетелей. Через час сообщение от местных властей: «прощения просим, больше не повторится, вот вам скидка на сто-пятьсот процентов на любые товары, но в пределах разумного». Фуркан когда про скидку услышал – аж оргазм получил. В общем, у нас теперь два новых корабля – грузовоз на двести миллионов кубов и самоделка-универсал с трюмом как у нашей баржи, и пассажирскими палубами тысяч на восемь человек. Сейчас летим на оширскую плантацию.

- Хренасе, вы наворотили тут без меня!

- А ты думал! – Санёк горделиво приосанился, театрально изображая то ли крутого бизнесмена, то ли какого-то дворянина.

- А кто это был-то, выяснили? Чего до нас доколупались?

- Так я не сказал что ли? Короче, какая-то субподрядная станционная вохра. Для всего серьёзного у эсбэшников собственная структура, а для полицейских функций заключают контракты с наёмниками, у которых репутация не особо хреновая. С этими, походу, пролетели. Какой-то шнырь погрел уши на торге нашего турка с крокодилами, донёс главнюку этой банды, ну и решили они бабла лёгкого срубить.

- Ага, так вот откуда такая жирная скидка!

- Ну, да, мы тут как солидные коммерсы обозначились, а их барбосы на нас напали. Так что за ними косяк. Хоть и наёмники, но на репутации один хрен пятно.

Разобравшись со всеми неясностями, я обратил внимание

на то, что лексикон у парня как-то заметно изменился.

- Сань, а чего это из тебя такие характерные жаргонизмы полезли: «шнырь», «бабло», «коммерсы»? От кого нахватался?

- Да ты знаешь, Глеб, - вдруг смутился студент, - у меня же на грузовозе старшим техником Серый. Так-то он мужик нормальный, рукастый, а с нейросетью и базами вообще золото, а не механик. Но вот в девяностые он в таких компаниях общался, где одни урки, да гопники. Сам не сидел, говорит, и даже не участвовал, но вот наблатыкался так, что на нормальном русском уже вроде как и не умеет.

- Понятно. Ну, ты сам-то следи за речью, а то тоже наблатыкаешься, что нормальный русский забудешь.

Оширская планета-плантация ZLPN/W-38 ничем особенным не запомнилась. Из-за стопроцентной влажности, переизбытка кислорода и других газов, лютой духоты и множества насекомых не удалось даже подышать воздухом иной планеты. Вокруг базы – сплошная стена зелени, как в каких-нибудь тропиках, только без деревьев и пальм. Одна трава. Гигантская и мелкая, стрелчатая и разлапистая – разнообразная в общем, только без цветов и плодов.

На трёхмерной модели было видно, что на планете нет ни океанов, ни материков. Зато вся поверхность – сплошные моря и озёра, острова и архипелаги. С орбиты, в прорехах между полями облаков можно было разглядеть, что водоёмы

расчерчены ровными грядами водорослей, а земля — плантациями травы.

Вежливый безопасник, встретивший нас для обсуждения и решения всех вопросов, пояснил, что симпатичную планету начала терраформировать компания, занимавшаяся туризмом, но не доведя дело до конца, обанкротилась, вследствие чего планета была продана аграрной корпорации. Той оставалось совсем немного подправить уже почти сформированную экосистему, благо, для производства пищевых картриджей нужно было совсем немного видов растений, насекомых и планктона, так что покупка оказалась более чем выгодной.

Единственной проблемой оказались глубоководные вулканы, периодически выбрасывающие химически агрессивную и радиоактивную грязевую массу, отравляющую большие участки морских плантаций.

Вывозить или перерабатывать испорченное сырьё корпорация посчитала невыгодным, поэтому под ядовитый гумус выделили небольшое приполярное море, где из-за низких температур урожайность была минимальная.

Когда речь зашла о цене на бракованную биомассу, нам поведали, что хитрые торгаши собирались содрать с нас втридорога, по сути, за то, от чего сами хотели избавиться, но служба всё порешала и с нас не только почти не возмут денег, но даже сделают скидку на услуги разведки.

Правда, мне отчего-то казалось, что всё было несколько

иначе: безопасники скорее всего взяли денег у корпоратов за утилизацию, возможно, вполне символическую сумму, но фактически – оказывая им услугу. А нам, помимо почти бесплатного сырья, сделали такую же символическую скидку аж в пять процентов, тем самым ничего не потеряв по деньгам, или даже приобретя, но при этом сделав пару удачных маркетинговых ходов.

Джау наверняка сообщил коллегам свои выводы по расширению и усилению нашего флота, что в разы увеличивало наши шансы на самостоятельное решение поставленных задач. Таким образом, СБ директората Ошир, делая нам услугу, да ещё и предоставляя скидку, не только не даёт нам соскочить со сделки, но ещё и приобретает как минимум лояльность аграрной корпорации.

Не сказать, чтобы сложная схема, но всё же хитро.

Интересно, а когда это я научился видеть такие политические схемы в простом акте купли-продажи? Или это симбионт с имплантами силу набирают? Если так, то мне нравится. Ощущение роста интеллектуальных способностей вообще гладит по шёрстке как чувство хорошо выполненной работы, так и самолюбие. Приятное ощущение. Многообещающее.

- Миш, ты не в курсе – почему в Содружестве такие неэкзотические названия: «Три кола», «Базар», «Второй дом»? Мы, блин, в далёком космосе или между Барнаулом и Урю-

пинском заблудились?

Планета со странным названием «Второй дом» являлась чем-то вроде региональной столицы в империи Аратан. Население в пятнадцать с лишним миллиардов числилось за столицей, хотя фактически было разбросано по всей системе, включая станции, планеты и астероиды.

Для планеты в такой близости от Фронтира это было довольно много, видимо, поэтому и назначили столицей со всеми вытекающими, включая мощную торговлю и промышленность. И флот.

Только войдя в пространство Аратана, мы впервые увидели множество упорядоченных засветок большого военного флота, полноценный таможенный досмотр, паспортный контроль, если можно так выразиться о полностью цифровом документообороте, и другие признаки высокоразвитой цивилизации.

Лишь пройдя мощный бюрократический заслон, мы попали... нет, не на планету, а только на орбитальный лифт. Из-за слишком большого пассажира и грузопотока, которые наглухо забивали трафик, администрация решила отсечь всю мелочь, подсчитав, что всего пара лифтов легко заменит тысячи мельтешащих в атмосфере ботов.

Поражающая воображение своей протяжённостью система из тросов, энергопроводов и гравитационных установок, работала по принципу вертикального фуникулёра, в котором циркулирует одновременно множество многоэтажных кап-

сул-вагонов.

В сравнительно безопасной системе мы как-то незаметно расслабились, поэтому на экскурсию вызвались почти все. Осталось лишь несколько дежурных пилотов, да мизантроп Мурзик, который «чего я там не видел».

- В курсе. Все в курсе. Странно, что ты сам не догадался. – Миша недоумённо задрал одну бровь, удивляясь моей недогадливости, - в Содружестве дофига рас, дофига языков. Вон, у тех же ашхамази до встречи с людьми, ну, то есть с хуманами, как нас называют, язык состоял из одних шипящих, а письменность – из запахов. Хрен знает как они свои книги писали, у меня ум в рулон сворачивается от попыток это представить, но это исторический факт.

Я тоже попробовал это представить и тоже ничего рационального придумать не смог. Либо мой товарищ что-то не так понял, либо это что-то настолько местное и уникальное, что аналогов у нас просто никогда не бывало.

- Так вот, именно поэтому здесь не следуют принципу «имена собственные не переводятся» по отношению ко всему, кроме личных имён разумных, названий рас, государств и ещё чего-то по мелочи.

Абагай договорил и устался на великолепный пейзаж за обзорным окном лифта. За стеклом чернота космоса уже переходила в небесную голубизну атмосферы, а далеко внизу, в прорехах густой облачности, а где-то и пронзая её на многие километры, виднелись циклопических размеров постройки

– не то небоскрёбы, не то какие-то технические сооружения.
– Да, ответ действительно на поверхности. А я по привычке что-то сложное пытался найти. – ответил я, так же любуюсь фантастической картиной.

Спускаться оставалось ещё часа два.

В принципе, всё запланированное можно было сделать и на орбитальной станции, но мне в подкорку прямо въелось навязчивое желание – подышать воздухом другой планеты. На предыдущих двух это не удалось, так хоть на этой. Причём интуицией тут и не пахло – просто любопытство.

Мы с Лидой бывали в Европе и на тропических островах с пальмами, всей семьёй ездили в противоположные концы нашей необъятной родины. Воздух везде пах по-разному, и солнце светило иначе, но это везде и всегда была Земля, и это ощущалось всеми фибрами души, зрения, обоняния и всего прочего.

Здесь же каждая клеточка тела истошно пищала: «обман!», «подделка!». Вроде тот же воздух, тот же спектр света, но ощущения дома не было совершенно. И даже вся местная архитектура была не причём. Ну, может самую малость.

Хорошее слово придумали предки – чужбина. Удачное. Очень точно отражающее весь спектр ассоциаций и ощущений. Вот именно она тут чувствовалась во всём и вся. Или просто я знаю, что не дома, поэтому психика злые шутки

шутит?

Нет, вряд ли. Я себя довольно неплохо изучил за долгую, а теперь и весьма насыщенную жизнь. Игры разума тут если и присутствуют, то в самой незначительной степени. Тем более, что наш эволюционно незрелый разум обмануть несложно, а вот древние инстинкты, крепко битые естественным отбором, когда вооружены этим самым разумом – тот ещё детектор лжи.

Город представлял собой невероятную смесь самого смелого футуризма, экопоселения и какого-то невнятного закона под винтаж, едва ли не стимпанк.

Пролегающая перед зданием орбитального лифта широкая дорога, имитирующая брусчатку, широким кольцом охватывала громадный парк, наполненный... да ёж его знает чем, какими-то постройками для отдыха и развлечений, наверное. Хотя, не очень привычного вида, но всё же узнаваемые беседки и скамейки тоже присутствовали.

На внешней стороне дороги плотно прилегали друг к другу довольно архаичного вида разнообразные здания, по стилю отдающие нашим девятнадцатым веком, но с обилием как высокотехнологичных, так и старинных деталей на фасадах, что и создавало ощущение стимпанка.

За кольцом из двух-трёхэтажных зданий виднелись менее презентабельные, но более многоэтажные конструкции этажей до десяти-пятнадцати. А через несколько кварталов под облака и выше уходили те самые шпили суперсовременных

небоскрёбов, видимых даже из стратосферы.

Из-за этого постепенного повышения этажности, район создавал ощущение какого-то стадиона для великанов, на краю зелёной лужайки которого мы сейчас вертели головами, раскрыв рты. Благо, таких же туристов вокруг хватало, так что мы не выделялись.

Незаменимый для новичков электронный гид, как и на станции Базара, бесплатно никто не выдавал, и стоил он тут не в пример дороже – четыре сотни кредитов.

Когда мы насмотрелись на архитектурный ансамбль и начали разглядывать предметы поближе, гид сразу же подсветил открытые колёсные машины, похожие на верхний, обзорный этаж экскурсионного автобуса, только в миниатюре – человек на десять самые большие, а самые маленькие попадались и одноместные.

Машинки медленно ползали по кольцевой дороге строго по часовой стрелке, принимая и высаживая пассажиров. Никакого летающего транспорта тут не было, а еле заметные точки, не больше мухи, мелькали в воздухе где-то ближе к небоскрёбам. Бесполётная зона тут что ли? Так-то полетать бы хотелось над поверхностью, а то в космосе уже сколько летаю, а прославленные в земной фантастике флаеры пока только издалека видел. Непорядок.

Потоптавшись на псевдобрусчатке минут пятнадцать, обсудили дальнейшие действия, уточнив нужные нам места и маршрут у гида, и двинули пока вслед за снулыми повозками

для неторопливых туристов.

Сувениры, предметы искусства, ювелирка, выставки, музеи, кафе – стандартный набор любого туристического района в галактике. Даже любимое земляками мамы Мэл «вау!» не на что воскликнуть. Да, необычно, часто – странно и непонятно, но как-то не потрясает воображение. Хочется побыстрее начать дела делать, а не глазеть бестолково.

- За такую партию гипердвигателей мы готовы сделать вам скидку в три процента. Однако, учитывая, что вы платите сразу всю сумму, без рассрочек и кредитов, лизинга и прочих усложняющих процесс условий, то можем дать четыре.

Плотный, рыхловатый мужичонка с постоянно потеющими ладошками офисного старожилы странно выглядел с густой бурой шевелюрой на круглой голове. Намного органичнее на нём смотрелась бы лысина. Однако справиться с рыхлостью и полнотой, видимо, оказалась бессильна даже медицина Содружества. Хотя, может он себе и такой нравится?

- Ну, это несерьёзно. – Фуркан аж фыркнул от такой смешной цифры и отмахнулся рукой, как от чего-то непристойного, - За пятьдесят аппаратов минимально возможную скидку можно рассматривать только от двадцати процентов.

- Помилуйте, ну какие двадцать процентов, это же не рухлядь пятого поколения, а едва побывавшие в употреблении двигатели шестого. Ну, пусть будет пять процентов.

- Да, шестого. Но мы сейчас не во Фронтире, где шестое –

это предел мечтаний. Мы, слава Аллаху, в империи Аратан – наследнице самих Джоре, - турок театрально воздел глаза и руки к потолку, будто в молитве, тем самым спровоцировав массовый просмотр потолка, - а вы мне представляете отсталое шестое поколение, как продвинутую современную технологию? Девятнадцать, не меньше.

- Да что вы такое говорите? Поколения от двенадцатого доступны только элитам и старшим расам, ну, ещё кое-кому из флотских. А нам, простым смертным, приходится довольствоваться шестым - восьмым даже в нашей благословенной империи. Семь.

- Вот именно, что шестое – это нижняя планка для массового потребителя, а значит – дешёвый ширпотреб. Восемнадцать.

- Но ведь вы пришли именно к нам, а не к конкурентам? Значит вы в курсе, что у нас самый качественный ремонт и модернизация всех комплектующих. Десять.

- А ещё мы в курсе, что самый крупный опт для вас – не больше двух десятков, при том, что за свой, несомненно, качественный ремонт и модернизацию вы делаете очень существенную наценку. Так что партия в пятьдесят штук – это ваша выручка за несколько месяцев. Семнадцать. И это последнее слово. Если вы не согласны, у нас в списке ещё десятков ваших конкурентов.

Фуркан с безразличным видом скрестил руки на груди, откинувшись на спинку кресла. Мужичок же бездумно вы-

тирал платком потеющие ладони, бегая глазками по обстановке офиса. Было видно, что сделка для этой небольшой фирмы очень выгодная, но семнадцать процентов – это солидный кусок от прибыли, который терять не хотелось до зубовного скрежета.

Наскоро обдумав ситуацию, я решил внести свою лепту.

- А как насчёт партии в пятьсот гипердвигателей в течение, скажем полугода, со скидкой в тридцать процентов?

Пухлый менеджер поперхнулся, вытаращил глаза и уронил платок на пол. А от Фуркана прилетело сообщение, полное недоумения.

«Не понял?..»

«Погоди, всё объясню».

- Кх-кхм, - прокашлялся пухляш, - это конечно очень, очень заманчивая перспектива нашего сотрудничества. Но пока это только слова.

- Да, слова. Но мы с вами можем из этих слов составить договор о намерениях. В самом плохом случае вы потеряете всего семь процентов от сегодняшней сделки, учитывая, что готовы были дать нам десять. Зато при благоприятном развитии событий получите прибыль сразу за несколько лет.

Войдя в образ, я подвинулся к столу, опёршись на него локтями, и, глядя на менеджера почти ласково, как на ребёнка, который только что сделал домашнее задание без ошибок и заодно помыл пол, доверительно сообщил:

- Так же не исключая, что это будет не последняя подоб-

ная партия, так как мы планируем в дальнейшем расширять производство. Кстати, полгода – это я взял с большим запасом. Скорее всего, срок будет вдвое меньше.

Ошалевший от сказочных перспектив пухляш перевозбуждался и, попросив прощения, убежал в коридор обсуждать с кем-то моё предложение. За время его отсутствия симпатичная девушка в строгом костюме дважды приносила нам напитки и что-то из местных закусок, вкус которых я не разобрал – какая-то сложная композиция из невнятных фруктовых или цветочных вкусов то ли с орехами, то ли хрен знает с чем ещё, рассчитанная скорее на ценителя, чем на непривычного к подобному туриста. Может, здесь это считается особым шиком и уважением к клиенту, вот только мы, варвары эдакие, не смогли оценить изыск. По крайней мере я точно не смог.

Когда стало ясно, что мужичок задерживается, Фуркан потребовал объяснений.

«Ну ты сам подумай: насколько вырастут в цене корабли, которые мы не только оснастим технологиями сполотов, но и воткнём в них гипердвигатели шестого поколения? Вот то-то же. А потом мы полетим домой, где будем строить собственный флот. Сколько гиперов нам понадобится хотя бы в первые год – два?»

Турок задумался, морща лоб. Видимо, так далеко он просто не загадывал.

- Мы готовы заключить с вами договор о намерениях на

указанных вами условиях, - сообщил сияющий, как лампочка Ильича, менеджер, едва не пританцовывая вплывший в офис, - более того, если вы согласитесь взять сейчас ещё десяток гипердвигателей, то мы повысим сегодняшнюю скидку до двадцати процентов!

- Приятно слышать. Что ж, дополнительный десяток нам не помешает. - сообщил я ему благодушно.

- Но, есть небольшое затруднение... - он замялся, боясь вызвать моё неудовольствие, - видите ли, несколько агрегатов сейчас ещё в работе и готовы к отгрузке они будут не раньше завтрашнего вечера.

- Ничего страшного. У нас как раз ещё есть дела на планете минимум на сутки.

Оставив пухляша, радостно потирающего потные лапки в предвкушении карьерного и финансового роста праздновать удачный день, мы вскоре оказались в другой конторе, располагавшейся всего в пяти минутах ходьбы от первой, но за целую пропасть по виду деятельности.

Вопреки ожиданиям, услуги сетевого поиска тут оказывал не какой-нибудь юноша, а хипповатого вида мужик лет пятидесяти, то есть хорошо за семьдесят по меркам Содружества. Он с вежливым безразличием уточнил все детали запроса, после чего получил предоплату и окончательно перестал нас замечать, погрузившись в местный интернет.

Уже по пути в местное отделение корпорации «Нейро-

сеть» мне прилетело несколько сообщений от «хиппи» о результатах поиска. Полтора десятка сообществ землян и сотни три персональных объявлений о поиске земляков. Правда, скоро пришло дополнение о том, что некоторые данные уже не актуальны по разным причинам.

Вечер перед отбытием в экспедицию прошёл в атмосфере проводов на курорт, а закончился заседанием в составе Токмашева, Эдика, Евгении Марковны и меня. Обсуждая за столом нашу дальнейшую бытность на родине, внезапно всплыло понимание, что очень во многом придётся работать с местными технологиями, а так же всесторонне изучать само Содружество, его историю, политику, множество других аспектов. А для этого понадобятся не только непосредственно факты, которые в принципе можно будет в любой момент получить из галонета, но и базы знаний, чтобы подготовить специалистов к работе в этих направлениях.

До глубокой ночи мы составляли список необходимых баз, прикидывали количество единиц, а так же – всевозможные варианты обхода одноразовости этих носителей информации. На Базаре удалось приобрести массу баз почти за бесценок, так как история, политика, культурология и многие другие дисциплины во Фронтире считаются едва ли не мусорными, а сейчас планировали добрать недостающее из списка. И это, к сожалению, было уже совсем не дешёвым приобретением.

После «Нейросети» были оружейные магазины, рынок

старинного и новейшего инструмента, десятки случайных лавочек и магазинчиков, привлёкших внимание по пути. Нагруженные покупками и окончательно одуревшие от впечатлений и чрезвычайной насыщенности дня, мы наконец-то добрались до заказанной ещё с орбитальной станции гостиницы.

Оставив ребят обсуждать впечатления от планеты, я упал на диван, задрав кверху гудящие ноги, но вместо полноценного отдыха взялся за изучение массива данных, присланного хиппарём.

После полутора часов разбора нарисовалась следующая картина: на планете проживало до двух тысяч землян, часть из которых, видимо, родилась уже здесь, то есть дети или внуки похищенных. Чёткое намерение вернуться на Землю в сети демонстрировало порядка четырёхсот человек, ещё столько же к этому склонялось, но при этом выражая разного рода сомнения.

Самое большое сообщество в сети составляло внезапно... двенадцать тысяч человек. Сначала я никак не мог понять откуда взялось ещё десять, но потом разобрался: друзья и потомки землян, культурологи, социологи, журналисты, блогеры, случайные посетители, наконец – рекламные боты, спамеры и прочий шлак загрязняют информационное пространство и здесь.

Ещё десятка три сообществ, обособленных по региональным, национальным и религиозным признакам. Христиан-

ская братия оказалась самой многочисленной – чуть более пятисот верующих, причём не менее половины составляли латиноамериканцы, судя по профилям.

Скинул Фуркану ссылку на группу из одиннадцати турков, а сам завис на русском сообществе. Быстро выяснилось, что в нём среди ста девяноста семи человек, помимо татар, якутов и других наших коренных народов, есть украинцы, белорусы, поляки, и даже один серб. Вдали от земной пропаганды и всяких исторических обид здесь все общались исключительно доброжелательно, ностальгируя по родной планете и делясь всем, что о ней напоминало – песнями, анекдотами, сказками, поздравляя друг друга с праздниками, делясь горестями.

В какой-то момент я понял, что это мало отличимо от популярного среди моего поколения сайта «Одноклассники», разве что без назойливых открыток и прочих анимаций по любому поводу.

Что ж, я хоть и не фанат этой несколько лубочной социальной сети, но оттуда на меня так повеяло чем-то отечественным, что сам не заметил, как заулыбался.

Встреча в парке на следующий день тоже походила на встречу повзрослевших выпускников, с трудом узнающих друг друга. Разношёрстная толпа почти в тысячу человек заполнила немалого размера лужайку, безжалостно вытаптывая жёсткую газонную траву. Люди бродили, знакомились или находили знакомых, группами и поодиночке, постепен-

но задаваясь единым для всех вопросом: «что за люди нас всех тут собрали?»

Накануне в сети конструктивное общение задалось отнюдь не сразу. Первое же моё сообщение в духе «ищем путь на Землю, присоединяйтесь», закидали пофигистическими комментариями, типа «да мы уже лет пятьдесят ищем, а толку никакого» или «о, ещё один».

Пришлось добавить, что в отличие от местных искателей, у нас есть корабли, оружие и другие ресурсы, но не хватает людей. Тут уже загорелся интерес: «а сколько кораблей», «а что уже удалось узнать», «на каких условиях людей принимаете».

Рассказывать про «Колонизатора» в открытой сети никто конечно же не собирался, но упоминание, что только сюда мы прилетели с приличной для Фронтира эскадрой, окончательно перевело обсуждение в деловое русло.

Конечно, прибыть на встречу смогли далеко не все желающие, а покинуть планету собиралось ещё меньше, но в результате митинга чуть больше сотни человек сразу отправились с нами на орбиту, а к следующему утру просили их дожидаться ещё с полтысячи, включая тех, кто не смог прилететь в день встречи.

И во всей этой деловой суете с грустными глазами ходил Миша, клявший себя последними словами за то, что за столько лет так и не собрался посетить государство, в котором, как оказалось, всё это время жило такое количество

ЗЕМЛЯКОВ.

Через несколько суток наш универсальный транспортник, забитый под завязку как пассажирами, так и покупками, отчаливал от Базара в окружении двух набитых ядовитой гадо­стью грузовозов и роем мелких на их фоне, но кусачих кор­ветов.

С упоением прихлёбывая что-то невразумительное из на­питков, производимых нашим бортовым синтезатором, ма­ма Мэл рассказывала, что брожения среди обитателей базар­ных трущоб колыхали общество от тотальной миграции к нам до единогласного отказа от сотрудничества с «мутными типами».

Точку в брожениях поставила численность пассажиров транспорта. С формулировкой «ну не могут же они вышвыр­нуть в космос несколько тысяч граждан одного из Централь­ных миров», манатки собрала вся община, за исключением пары десятков полных маргиналов, которые и сами не рва­лись работать, и нам даже с доплатой не сдались.

Самые прижимистые пытались утащить с собой подарен­ный общине фрегат, но перспектива тащиться за нами пару месяцев с их ископаемыми гипердвигателями убавила энту­зиазма. А обещание, что на кладбище они своими руками получат возможность собрать себе добротный корабль, от­било желание цепляться за рухлядь.

Вспомнив, с чего началось наше знакомство, Мелисса

вручила мне артефакт, сопроводив это многословным напутствием, в сильном сокращении означавшем что-то вроде «хорошим людям на добрые дела пригодится», и пошла знакомиться со своими соотечественниками, которых набралось примерно с полсотни.

Кстати, обретший земляков Фуркан цвёл, пах, пускал побеги и пытался отрастить павлиний хвост. А всё потому, что среди турков присутствовал седатый представительный мужчина моих лет с довольно симпатичной дочерью, которая стреляла выразительными миндалевидными глазками в самое сердце бывшего пиратского техника, но вот путь к её сердцу явно лежал через папу.

Чтобы повысить матримониальные шансы друга, мы с мужиками целое представление разыграли с поздравлениями и восхвалениями маркетинговых талантов нашего торгового представителя. К его чести, вечером того же дня Фуркан тряс руки всем причастным, искренне благодаря за то, как мы это всё здорово придумали и как это всё ему помогло.

Сидя в своей каюте, я пытался активировать артефакт, не имеющий не только инструкции, но даже хоть каких-то намёков на принципы его эксплуатации. Первым и очевидным решением было – вставить «поплавок» в «гайку». Тоненький стержень «поплавка» прошёл в широкое отверстие «гайки» и встал строго по центру, зафиксированный силовыми полями, но на этом всё.

Стоило отпустить одну из деталей, как другая делала

несколько вращательных движений и падала на стол. То ли я что-то не так делаю, то ли конструкция не полная.

Пошёл в технический отсек на поиски чего-нибудь, способного натолкнуть на дельную мысль. За неимением гаек, попробовал использовать детали с отверстием, чтобы получить конструкцию наподобие стандартного вала с двумя подшипниками на концах, но «поплавок» неизменно вываливался. Тогда я высверлил конусообразную выемку прямо в столешнице, капнул туда смазки и вставил нижний конец «поплавка». Как только «гайка» заняла своё место на верхнем конце, «поплавок» начал вращаться с такой скоростью, что смазка мгновенно испарилась и заострённый конец оси погрузился в раскалённую добела воронку в металлической поверхности.

Всё произошло так быстро, что я даже испугаться не успел. Зато, когда всё кончилось и столешница с торчащим из неё «поплавком» начала пощёлкивать, остывая, я, наконец, вспотел и зачем-то отошёл от верстака.

Спустя пару минут рискнул потрогать артефакт, оказавшийся комнатной температуры, хотя от металла вокруг ещё тянуло жаром. Прикидывая, как буду вырезать вплавившийся в металл хвостовик, потянул «поплавок» вверх, и он неожиданно легко вылез.

И о чём это всё нам говорит? А это всё нам говорит о том, что как минимум без третьей части – такой же «гайки», либо чего-то вроде вертикальной подставки с силовым полем

в отверстие, «поплавок» останется всего лишь необычной дрелью.

Попенял себе, что не озаботился изучением артефакта ещё до отлёта с Базара в Аратан, а то глядишь, столичные специалисты по артефактам древних что-то, да подсказали бы. Уж где-где, а в одном из центральных миров наверняка в разы больше шансов найти недостающую деталь. Но не возвращаться же теперь только ради этого?

Мысль прервал сигнал оповещения о выходе из гиперпространства. Что-то рановато, ещё пару суток лететь вроде бы.

- Сань, а чего это мы преждевременно из гипера выходим? – поинтересовался я по внутренней связи, неторопливо ковыляя к лифту.

- Это не мы выходим, это нас выходят, - каким-то напряжённым голосом ответил пилот, - так что нырял бы ты бегом в скафандр, Глеб, боюсь, нас там совсем не с ландышами встречают.

Проняло. В заранее открытый по сигналу через нейросеть лифт я уже заскочил бодрым сайгаком. А зайдя в рубку в полной экипировке обнаружил, что война уже вовсю идёт.

Противник встречал нас буквально на рукопашной дистанции, поэтому выйти с сухим счётом, как в прошлый раз, казалось нереальным. Едва серая муть сменилась на звёздную черноту, все системы корабля наперебой завопили об экстренной ситуации.

Сканер показал полтора десятка красных сигнатур, полу-

сферой рассеянных прямо по курсу, щиты повели обратный отсчёт своего ресурса, а батареи заградительного огня начали высасывать энергию из реактора. Слоёный пирог курсовых щитов держался, как пресловутые триста спартанцев, а вот фронтальные, прощально пискнув сгоревшими эмиттерами, приказали долго жить, после чего пошли попадания по корпусу.

Благо, самое мощное вооружение пиратов – ракеты, пришлось на первый залп и сейчас броню жгла только энергия, корёжа и прожигая бронеплиты, но не деформируя силовой каркас. Этой передышкой я воспользовался для замены эмиттеров, что было легко в обычном комбезе, но с трудом осуществимо в бронеперчатках боевого скафандра.

Спустя какие-то секунды вокруг стали зажигаться и зелёные сигналы. Многократно отработанный на тренировках манёвр свёл наши корабли в плотный строй и просадка щитов почти остановилась, а по мере прибытия новых, так и поползла в обратную сторону, а вот корабли противника наоборот – стали гаснуть.

Отбив первую, самую массированную атаку, наши до самых галюнов вооружённые корветы двинули встречную волну огня. Но уничтожать потенциально ценную добычу никто не собирался. Стоило пробить вражеские щиты, как туда мгновенно отправлялся электромагнитный импульс, в ту же секунду выводящий судно из рядов атакующих.

Моё возвращение в рубку ознаменовалось выравнивани-

ем численности кораблей: в тылу из гипера вальжным кашалотом выплыл наш гигантский грузовоз, а впереди подавился очередным залпом один из разбойников.

Их девять и нас девять. Только три наших посудины условно гражданские, а у них все корабли боевые. Зато суммарная боевая мощь нашей эскадры в разы больше того, что встречало нас на выходе.

Внезапно осознавшие всю тщетность бытия пираты, ну а кто же ещё, потеряв ещё пару кораблей, начали маневрировать, смазывая лыжи в разные стороны. А вот этого допускать нельзя – разнесут раньше времени новость, что мы неведомой вундервафлей корветы гасим, как тараканов тапком.

Пока злодеи разгонялись, удалось уgomонить ещё троих, после чего пилот из команды Кергилова, бывший тут за командира эскадры, скомандовал преследование, распределив цели. Нас, как самых вооружённых, но не самых шустрых, оставили охранять грузовых и пассажирских толстопузиков.

Охранять – дело несомненно полезное, но зачем безыдейно пинать балду, когда вокруг почти десяток безжизненно висящих в пустоте консервных банок, набитых потенциальными ништяками и носителями полезной информации.

- Сань, а давай-ка мы с тобой абордажниками поработаем, пока остальные злыдней гоняют?

Александр Первый глянул на меня с нескрываемым интересом, но затем покачал головой.

- Не, мы тут на боевом посту, а пост покидать нельзя.

- Согласен. Ладно, подождём.

Не знаю как для местных, а для меня космос – это терпение. Астрономические расстояния требуют астрономического же терпения. Несмотря на все сверхразвитые технологии, быстро тут можно только погибнуть, а всё остальное либо долго, либо чудовищно долго.

Потянулись долгие, как осенние сопли, минуты ожидания. Экипажи один за другим докладывали о поражении цели и тут же присоединялись к другим погоням. Маясь от безделья, мы нарезали круги, изображая противоестественный спутник наших грузовичков.

Глядя на то, как на экране пять зелёных точек загоняют в угол осиротевшую красную, явственно представил себе гиканье и улюлюканье загонной охоты на удирающего, поджав хвост, шакала, ибо никаких ассоциаций с волками эти пираты не вызывали.

Раздираемый в широком зевке рот автоматически захлопнулся при внезапном сигнале тревоги. Мы с Фурканом едва не подпрыгнули от этого звука, однако Саня и второй пилот будто ждали нападения, спокойно и сосредоточенно закладывая вираж на противоположную сторону ребристой туши большого грузовоза.

Наше появление в пределах прямой видимости совпало с залпом большой ракетной установки, некогда присобаченной на наш первый грузовик. Залпы заградительного огня нападающих проредили нестройные ряды ракет, но и остав-

шихся хватило на то, чтобы у мелкого, кажется – корвета, щиты погасли полностью, а у второго, что побольше, яростно замерцали и наверняка существенно просели, прося добавки.

Корвет мгновенно исчез с экрана, в нагрузку к ракетам получив электромагнитную клизму, а на второй корабль злобным бульдогом накинулись мы. На рукопашной дистанции невооружённым глазом стало видно, что это фрегат не старше третьего поколения, неплохо вооружённый, но, видимо, слабовато защищённый. Что ж, для пиратской тактики это нормально: наскочили, обстреляли, если не прокатило – убежали. В затяжные дуэли они играть не любят.

В короткой, но яростной схватке удалось рассмотреть россыпи плазменных сгустков и росчерки ракет. После многочисленных фильмов о космических боях, я неосознанно ожидал лазерных лучей, но откуда им взяться в вакууме? А, нет, в облачках пыли, оставшихся от уничтоженных ракет, что-то мелькает. Только не красное, а синее.

Когда внешний слой курсовых щитов окончательно слетел, а индикатор внутренних неудержимо пополз к нулю, мы с турком напряглись, готовясь к экстренной замене эмиттеров, но тут Саня радостно заорал долгожданное «Есть пробитие!», после чего носовая часть фрегата перестала плеваться плазмой и ракетами. А вот кормовая при этом только усилила обстрел.

Окончательно грызню прекратили всё те же «грузины»,

закатив ЭМИ-пилюльку под хвост неугомонному фрегату. А минут через полчаса, как водится в кино, подоспела кавалерия.

- Да меня и не особо волнует, скажешь ты чего-нибудь или нет, - флегматично оповещал Абагай пиратского главаря, привязанного к контейнеру в позе запечённого в яблоках поросёнка, - ты у нас не источник информации, а наглядное пособие для остальных.

Пират, кажется, даже не слышал Михаила. Он заворожённо пялился на медленно краснеющий над плазменной горелкой лом. Пялился, потел, нервно сглатывал, но молчал.

Почему-то все встреченные здесь злодеи были уверены, что самые страшные для них перспективы, это ментоскопирование - считывание информации с нейросети и мозга, имеющее множество побочных и неиллюзорный риск стать овощем, и каторга. Поэтому примитивные древнейшие попытки калёным железом оказывались для них не просто страшным сюрпризом, а чем-то выходящим за грани понимания.

Как уже повелось, Миша безошибочно выбирал самого быковатого из пленных и на его печальном примере воспитывал в остальных разговорчивость.

- А сейчас у нас будет свиной окорок гриль! – торжественно провозгласил «повар», подхватывая лом рукой в перчатке от скафандра и демонстративно, не торопясь, приложил его к оголённой филейной части главаря. – Эх, лучка с кар-

тошечкой не хватает, такой бы куурдак космический получился.

В первый момент «куурдак» дёрнулся, но вроде бы даже не понял что происходит, зато потом завыл на высокой ноте нечеловеческим голосом. «Эшафот» с пытаемым располагался в профиль к стоящим на коленях в три ряда семи десяткам пиратов, чтобы благодарные зрители не пропустили чего-нибудь важного.

Зрители, зафиксированные на своих местах посредством рабских ошейников из их же запасов, вели себя по-разному. На этот раз Кергилов не стал прогонять через химическую обработку всех, ибо многовато. Только капитанов и главарей. Поэтому бурно реагировали в основном обработанные, ну, и некоторые из оставшихся. Остальные либо отворачивались, либо ругались сквозь зубы. Один даже довольно лыбился. Не любит главаря? А, нет, взгляд дурной напрочь. Наркоман или шизофреник, к гадалке не ходи.

- О, голос прорезался, - констатировал «палач», - рассказать чего-то надумал?

- Д пшл т... - процедил сквозь зубы задыхающийся от воплей пират.

- Не вопрос, свинка, пошёл, так пошёл. Надо же и второй окорочок подрумянить.

Раскалённый лом медленно покатился по ягодице, как скалка по толстому куску теста, и под усилившуюся вонь горелого мяса злодей надрывно заорал, срывая голос, затрясся,

после чего шумно обделался и заплакал навзрыд.

- Ну, вот, отмывай теперь за тобой, - расстроился дознаватель.

- Я расскажу! Всё расскажу! – заёрзал на месте один из пилотов, пытаюсь вскочить.

- А чего, продолжать не будем что ли? – притворно расстроился Миша, - У нас на очереди насаживание свинки на вертел!

Абагай примерился ломом к тому месту, куда собирался его вставить. Вертел уже подостыл и не светился красным, но всё ещё коптил пригоревшими к нему ошмётками шкуры. От увиденного приготовления пилот закатил глаза и повалился на пол.

- Слабенькие какие-то пираты пошли, - проворчал алтаец, после чего с силой вогнал лом в зад пиратскому главарю.

Из пятнадцати кораблей два превратились в пыль от множества попаданий, когда при отражении массированной атаки было трудно скоординировать пробитие щитов с добиванием из ЭМИ пушки. Ещё два получили повреждения, неустранимые в походных условиях, поэтому были ободраны до нитки и оставлены на месте. Остальные одиннадцать осмотрены, отремонтированы там, где в этом была необходимость и поставлены на ход.

При abordage пираты дрались яростно, но довольно бестолково за парой исключений. Лишь на фрегате нашей абор-

дажной команде оказали достойное сопротивление, начисто выкосив всю группу абордажных дроидов и подранив троих бойцов.

Из почти сотни пиратов выжило семьдесят с лишним. А ещё пострадало несколько рабов. Когда пиратам становилось ясно, что кирдык близок как никогда, они прикрывались присутствующими на борту рабами – техниками в ошейниках, каким ещё недавно был Фуркан, и секс-игрушками с рабской нейросетью, в надежде на гуманизм абордажников.

Вот только абордажники в пылу боя не сразу поняли, что некоторые из разумных перед ними – нонкомбатанты, уничтожив с полдесятка рабов. Поначалу Миша готов был рвать пленных злодеев голыми руками, но после отпаивания остатками алкоголя, припрятанными на всякий пожарный, согласился, что неторопливые пытки принесут ему гораздо больше душевного тепла, чем быстрая казнь.

Из-за плотного огня противоабордажных турелей Михаил не разглядел деталей в группе обороняющихся, поэтому, подавив турели, принялся пробивать щиты и стоявших за ними стрелков. В дыму и мельтешении не сразу понял, что вместе с пиратом прожёт насквозь совсем юную девушку, даже девочку, вряд ли старше шестнадцати.

В последствии выяснилось, что девочка больше года проходила с рабской нейросетью, поэтому мало чем отличалась от биоробота, но на лютую злобу алтайца к пиратам это уже никак не влияло. И, надо сказать, он в этом был не одинок.

Хватило всего нескольких записей с корабельных искинов и пары усталых, почти будничных рассказов освобождённых людей о том, как пираты привыкли обращаться с рабами, чтобы за нож схватился даже вполне мирный Фуркан. По его словам, ему ещё повезло с бывшими хозяевами — о нём чаще просто забывали.

В принципе, меня сложно удивить извращёнными фантазиями людей, не обременённых нравственностью и сочувствием, когда на них обрушивается полная вседозволенность и безнаказанность. Но одно дело, когда это умозрительные зверства, и совсем другое, когда лично смотришь в глаза жертвам, а рядом умоляют о прощении живодёры.

Мишин перформанс принёс мгновенные результаты, частично подтверждённые записями переговоров, сохранённых искином пиратского флагмана: нас слил некий оширец, предупредивший разбойников о группе людей, которые при деньгах и неплохих кораблях, собираются устроить пиратам трэш, террор и содомию с применением тяжёлого вооружения.

На подготовку засады ушло время, за которое мы успели слинять в хорошо охраняемый Аратан, а на обратном пути вместо денег мы могли осчастливить пиратов только полусотней гипердвигателей и двумястами миллионами кубов радиоактивной тухлятины. О чём я и сообщил и без того раздавленным поражением и видом варварских пыток разбойникам.

В общем, выяснили всё необходимое, после чего казнили всех пленных пиратов. Руку приложили все – и абордажники, и пилоты, и даже техники. Получилась своего рода ритуальная казнь, повязавшая нас всех кровью и исполнением справедливой кары.

Мне достался лысый бугай, чем-то напомнивший капитана, которому я свернул шею. Он смотрел на меня коровьими глазами, полными раскаяния и священного ужаса. И у меня может быть даже дрогнула бы рука, если бы не кадры записи, где этот упырь, явно под кайфом, блаженно улыбаясь шинкует виброножом пальцы мужику в ошейнике, заставляя того смотреть как раскатываются по столу мясные кругляши и при этом благодарить за доброту.

Чем больше я вспоминал те кадры, тем меньше мне хотелось просто рубануть его по шее, как я сначала собирался, трофейным тесаком, отрубившим мне руку на Базаре. В результате башку ему я всё-таки отделил, но перед этим частично повторил его собственные подвиги.

Мужики, не мудрствуя лукаво казнившие своих «подопечных» быстро, смотрели на моё выступление. Кто-то тихо обсуждал, кому-то скинули то самое видео. В результате - никакого осуждения, только понимание.

Кровавая баня закончилась тем, что Михаил добил всё ещё живого предводителя, сквозь пелену адской боли и слёз вынужденного наблюдать за ликвидацией своей банды. «Импланты» сухо прокомментировал алтаец, пинком вбивая лом

до упора, словав, наконец, шейные позвонки злодею.

Гору изуродованного мяса предлагали выкинуть в утилизатор или в шлюз, но я приказал переправить в трюм к остальной биомассе. Негоже пропадать такому ядрённому гумусу. Разве что на «Колонизаторе» не бросать в общий реактор, а пустить конкретно на производство боевых дроидов. Пускай послужат делу уничтожения их же сородичей.

Несмотря на то, что на моём личном кладбище зарыто уже немало трупов, на этот раз на душе было гадостно, как никогда. Всё как-то в одну кучу свалилось – и эти мерзкие виды с издевательствами и пытками, и казнь, и серые от нечеловеческих условий рабы.

Стоило только представить, что моя жена где-то там, в лапах подобных уродов... Ощущение, будто зубы вот-вот перетрутся в крошку от бессильной злобы. И всё уже сделанное кажется бестолковой ерундой на фоне того, что Лида, половина моей жизни, наверное даже лучшая половина, один из самых близких мне людей, всё ещё где-то там, а я даже не знаю – жива ли, не становится ли тенью самой себя, как эти несчастные девчонки, в которых поганая рабская нейросетка уничтожила саму жизнь?

- Пройдёт. – Миша положил мне на плечо тяжеленную руку, - менее крепкие парни справлялись, а уж ты-то тем более справишься.

- Переварю.

- Чего?

- В смысле – переживу. Пойдём, пожрём.

- Стресс заедаешь что ли?

- Нет, просто жрать хочу. Война – войной... ну, ты в курсе.

Думаю, нам дела и похуже предстоят, так что перевариваем эту срань и работаем дальше.

- Вот такой настрой мне нравится. Двинули в жральню!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.